

МЕЧТА

мужчины

РОМАН-ОТКРОВЕНИЕ

МАША
ЦАРЕВА

МУЖЧИНЫ ЛЮБЯТ
ТОП-МОДЕЛЕЙ?
КРАСАВИЦ? ДУРОЧЕК
С ДЛИННЮЩИМИ
НОГАМИ? ЕРУНДА!

МУЖЧИНЫ ЛЮБЯТ
УВЕРЕННЫХ В СЕБЕ –
ВОТ ЭТА ИСТИНА
ВЕРНА НА ВСЕ СТО!

Маша Царева

Мечта мужчины

«ЭКСМО»

2005

Царева М.

Мечта мужчины / М. Царева — «Эксмо», 2005

Мужчины любят топ-моделей? Красавиц? Дурочек с длиннющими ногами? Ерунда! Мужчины любят уверенных в себе – вот эта истина верна на все сто! Но откуда взяться уверенности и счастливому блеску в глазах (пусть даже это очень красивые глаза), если ты вешишь больше центнера?! Если в двадцать шесть лет лишь мечтаешь о любви, потому что предмет твоих грез воротит от тебя нос, а красивые обновки так и остаются висеть без дела в шкафу?.. Да все поправимо! Нужно только по-другому взглянуть на себя и на мир вокруг – и сразу жизнь преподнесет массу сюрпризов. Подарит любовь. И радость. И счастье. Такое долгожданное и выстраданное счастье – быть рядом с единственным и желанным мужчиной. Ранее это произведение выходило под названием «Мечта мужчин, или 129 килограммов нежности».

© Царева М., 2005

© Эксмо, 2005

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	24
Глава 4	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Маша Царева

Мечта мужчины

Глава 1

Интригующий полумрак, всплакнувшие ароматным воском свечи, объятия, солоноватые на вкус поцелуи. Она вскрикнула: «Да!» – а потом еще четыре раза: «Да! Да! Да! Да!» – что должно было означать множественный оргазм. Это «да» клокотало в ее горле, как кипящий бульон. Она запутала пальцы в его волосах, длинных и мягких, как у десятилетней девочки. Ей всегда нравились мужчины с длинными волосами – ей казалось, что в этом есть нечто первобытное, дикое. А Оля Бормотухина предпочитала диких мужчин.

Она успела запомнить эту нарастающую, как снежный ком, сладость перед тем, как проснулась.

Оля села на кровати и потянулась к выключателю. Ее аккуратная одинокая спальня была оформлена в кокетливо-предсказуемом стиле старой девы, которая все еще надеется, что когда-нибудь эту комнату посетит мужчина. Тот самый, который заставит ее вскричать это вибрирующее «да». Розовые обои, гортензия на подоконнике, глупые керамические свинки и псевдофарфоровые балерины в старомодном серванте, светильник в форме сердца.

И опять ей приснился дурацкий эротический сон. В главных ролях – она сама и, как всегда, длинноволосый Эрос, лица которого производители снов предпочитали ей не открывать.

Тип без лица. Зато с таким членом, о котором она будет думать еще не одну бессонную ночь, пока не решит, что это патология – влюбиться в приснившегося мужчину.

Полтора года у Ольги Бормотухиной не было секса. А то, что случилось полтора года назад... об этом лучше и не вспоминать. Убогое соитие с полупьяным коллегой на корпоративной новогодней вечеринке.

Коллега был влюблен в Олину сестру Владу. Весь вечер он жаловался Оле, какие все женщины суки, а Влада – в особенности. Оля сочувственно кивала, кажется, ей было и вправду жаль этого угрюмо опрокидывающего рюмку за рюмкой неудачника. Она не понаслышке знала, что такое быть отвергнутой. Только вот она-то к этому состоянию давно привыкла, а он, бедненький, никак не мог смириться с тем, что вопреки законам мироздания женщины-планеты не вращаются вокруг него, а находятся в вечном хаотичном поиске более жаркого солнца.

Все закончилось молниеносным сексом прямо в гардеробе офиса. Он ее не поцеловал, не раздел. Просто задрал ее длинную юбку, спустил до колен ее утягивающие колготки плотно-стью восемьдесят ден, несколько раз ткнул в ее не успевшую увлажниться плоть мягковатым членом, кончил и отправился в туалет – от выпитого его тошнило. Теплая сперма стекала по ее бедрам. Оля вытерла ее ладошкой и понюхала руку. Ей нравилось, что от нее пахло мужчиной. Некоторое время (минут пятнадцать, не больше) она несмело надеялась на то, что он вернется, предложит проводить ее до дома, останется на ночь – вот так и начнется их многолетний роман. Она попробует в него влюбиться. Это будет совсем несложно.

Но он не вернулся. Тогда она вымыла руки и отправилась домой на такси.

В свои двадцать пять лет Оля Бормотухина весила сто двадцать девять килограммов. Она ничего не могла с этим поделать. Нет она не была обжорой и не принимала гормональных препаратов. Просто так получилось – вот такая проказа природы-шутницы. Она всегда была толстой, с самого детства. И всегда выглядела старше своих лет. Все удивлялись, когда узнавали, что Оле всего двадцать пять. Ей вполне могло быть и тридцать пять, и сорок – этакая

безвозрастная пышка с нависающими друг над другом подбородками, пухлыми коленками и мощной, как у метателя ядра, спиной.

Иногда она думала о том, что это несправедливо. Ведь лицо у нее было очень даже ничего – ярко-синие глаза, носик прямой и аккуратный, нежный румянец на щеках, полные яркие губы. Но кому нужны эти правильные черты, если они безнадежно затерялись в тугих, как воздушные шарики, щеках?! На нее никто никогда не смотрел как на женщину. Незнакомые люди при ее появлении прятали в лучшем случае улыбку, в худшем – сочувственный взгляд; знакомые с ней дружили – искренне, но без особого энтузиазма.

У Оли не было подруг. То есть, конечно, было несколько ровесниц, с кем она время от времени попивала кофе или легкое вино в вечерних барах. Но разве можно назвать настоящими подругами тех, кто стесняется представлять тебя своим знакомым? Как будто бы сам факт дружбы с такой толстухой и на них отбрасывает уродливую тень. Разве можно назвать подружками тех, кто смотрит на тебя со снисходительной жалостью? Кто тактично не обсуждает в твоём присутствии мужчин – они все думали, что Оле обидно выслушивать подробности их многочисленных романов. Они, идиотки, воображали, что говорить с Олей о любви – это все равно что обсуждать прелести конькобежного спорта с безногим. Все равно что слепому рассказывать о том, как красив город по вечерам. Они априори полагали, что влюбиться в нее невозможно. Что и она не способна полюбить.

А ей нравился оператор по имени Гоша Кудрин. Оля работала корреспондентом телепрограммы «Культурная контрреволюция», и они часто выезжали вместе на съемки. Гоша был чем-то вроде секс-символа программы. Даже странно, что такого яркого мужчину смогла увлечь профессия оператора. С его карими оленьими глазами, греческим носом и мило кудрявыми русыми волосами, по справедливости, надо было бы находиться по другую сторону телекамеры. Почти все редакционные дамы были в Гошу влюблены, кое-кто – молчаливо, иные – страстно, не скрывая своих чувств и не стесняясь сантиментов. И Ольга Бормотухина не была исключением – одно время она просто с ума по нему сходила. По дурацкой школьной привычке выводила его имя на последних страничках растрепанного органайзера. Несмело примеряла к себе его фамилию – Кудрин. Георгий Кудрин – что может быть красивее? Ольга Кудрина – звучит божественно, не находите? Каждое утро она гипнотизировала недра стенного шкафа, пытаясь выбрать наряд поэффектнее. А потом поняла, что напрасно все это. Ослепительному Гоше Кудрину все равно, в чем она придет на работу. Даже если она наденет сильно декольтированное красное платье в стиле танцовщицы фламенко (платье это она зачем-то купила несколько лет назад во время рождественских каникул в Париже. Купить-то купила, а вот носить не решалась) – даже в этом умопомрачительном платье, которое ее, кажется, стройнит, Гоша будет воспринимать ее не как сексуальный объект, а как грудку жира. Какая разница, во что упакован жир?

Ольга успокоилась. И это была ее защитная реакция на его дразнящую красоту и горячий, как извержение вулкана, взгляд. В самом деле, не плакать же ей теперь, если Гошка не видит в ней женщину.

Он к ней неплохо относился. И даже придумал ей прозвище – Борец Сумо. Оля делала вид, что она в восторге от меткой шутки. Но вообще-то она никогда не слышала ничего более обидного.

Когда он называл ее так, ей хотелось встать на цыпочки, выпятить грудь и губы: ты что, не видишь, как я сексуальна, козел?!

...«Моей неотразимой доченьке от любящего отца». Так было написано на новогодней открытке, которую Оля на днях получила от родителя. Сначала она решила, что папа просто издевается над ней. Но потом заставила себя поверить в то, что любящим ее людям она и в самом деле кажется красивой. Поверить в это было легко, потому что ей очень хотелось верить.

А Новый год был четыре дня назад. И на кресле, в углу, еще лежали подарки в надорванных красивых упаковках. Мама подарила Оле – о ужас! – нижнее белье из репертуара труженицы борделя. Представьте себе трусики-стринги пятьдесят шестого размера. И сиреневый кружевной лифчик, в котором можно арбузы с рынка носить. Разумеется, все это Оля не наденет никогда. Папа, кроме открытки, подарил ей привезенный с Алтая белый мед. Ольга любила мед маниакально – как Винни-Пух. Старшая сестра Влада подарила ей лак для ногтей дикого фиолетового цвета, да еще и с эффектом хромированной поверхности.

– Тебе надо ярче выглядеть, тогда на тебя будут обращать внимание мужчины, – с этими словами стройная красотка Влада вручила «непутевой» младшей сестренке подарок.

Да Оля никогда не осмелится нанести эту искрящуюся синеву на ногти. Это же смешно, когда стотридцатикилограммовая женщина использует подобные «завлекалочка» для приманивания женихов. При ее телосложении стоит одеваться поскромнее, а мужчин привлекать интеллектом, в крайнем случае – изощренным чувством юмора.

Самый полезный подарок – складной зонтик – ей подарила лучшая мамина подруга, тетя Жанна, которая была для Ольги очень близким человеком.

Новый год она встретила в кругу семьи. Потому что ни в одну развеселую компанию ее не позвали. Да Оля и не рвалась – она так редко видела родственников собравшимися вместе.

Семья Бормотухиных была колоритной.

Олин папа был человеком средних лет, неопределенной профессии, впрочем, сам он называл себя «странником». Десять лет назад папа, кажется, сошел с ума. Он был не из тех буйных психов, которых обряжают в смирительную рубашку и кормят бромом, а из тех ненормальных, что преспокойно разгуливают по городу и считаются безобидными чудаками.

Десять лет назад папа ни с того ни с сего уволился с мебельной фабрики, где он вполне успешно работал начальником цеха. Ему захотелось приключений. Он отправился в спортивный магазин и приобрел много странных предметов, как-то: надувная байдарка, весло, спасательный жилет, компас, моток веревки, горные ботинки на рифленой подошве, спальный мешок, одноместная палатка, охотничий нож, бинокль, набор котелков, каминные спички, непродуваемая ветровка. Все это было упаковано в огромный рюкзак, после чего папа, сердечно распрощавшись с родными, покинул квартиру. А мама грустно крикнула ему вслед: «Старый козел!»

Никто не знал, куда он отправился. Но через несколько недель от него пришла телеграмма. Оказывается, все это время Олин родитель провел в горах Северного Кавказа. Он покорял бурные горные реки на своей надувной байдарке, он взбирался на заснеженные вершины и едва не отморозил пальцы на ногах, он жил в палатке и засыпал счастливым под шум водопада. Да, и самое главное – возвращаться в Москву он не собирался.

«Вернется, куда он денется!» – резюмировала мама, порвав телеграмму на мелкие клочки.

Но она ошиблась. Опасный дух странничества взял Олиного папу в добровольный плен. Он похудел, загорел и отрастил всклокоченную бороденку – почему-то он был уверен, что этот атрибут мужественности ему к лицу. Чего только не случалось с бесстрашным путешественником за эти десять лет. Где он только не побывал! И чем только ни грозила ему Олина мама – начиная от банального развода, заканчивая кровожадным смертоубийством. «Страннику» все было, как говорится, по барабану.

И Юлия Аркадьевна, мама, смирилась. Как Ольга Бормотухина смирилась со своей оболочкой, не имеющей для окружающих ничего общего с сексуальностью, – так и мама ее смирилась с тем, что мужа у нее вроде как нет, несмотря на то что в паспорте имеется штамп. Борис Бормотухин объявлялся в доме несколько раз в год, и визиты его были предсказуемы – Новый год, Восьмое марта, день рождения Юлии Аркадьевны, день рождения Ольги, день

рождения Влады, день рождения тети Жанны и его собственный день рождения. Итого – семь раз. Негусто, но это все же лучше, чем ничего.

– Лучше иметь мужа, которого можно предъявить обществу хотя бы по праздникам, чем вообще не иметь никакого, – рассуждала Юлия Аркадьевна. А тетя Жанна понимающе кивала головой.

Между прочим, отец иногда и денег присылал – непонятно только, как он умудрялся их зарабатывать. Из его скупых писем было ясно, что он то работает на строительстве какого-то храма на Севере, то обучает желающих правилам поведения на бурной реке, то организует какие-то экскурсии черт знает где.

Олиной маме, Юлии Аркадьевне, было всего сорок четыре года. И она выглядела отлично – иногда Их с Ольгой принимали за ровесниц-подружек. Одна подружка – тоненькая, видимо, на диетах всю жизнь сидит да гимнастикой занимается. Это мама. А другая – отъевшаяся, неоднократно, судя по всему, рожавшая, ни в чем себе не отказывающая. Это Оля.

Вопиющая несправедливость – родиться толстой в семье, где все остальные выглядят как инструкторы по шейпингу.

Мама у Оли – деловая, они с тетей Жанной ведут колонку в популярном глянцево-м журнале. Тема колонки – «Все, что ты хочешь узнать о сексе, но боишься спросить». Какие только письма к ним не приходят. «Что делать, если я ни разу в жизни не испытала оргазм?», «Какой цвет возбуждает мужчин больше всего?», «Где познакомиться с лесбиянкой?». И так далее.

Недавно Оля стала свидетельницей разговора примерно подобного содержания.

– Как пишется фелляция? С одной «л»? Или двумя? – спрашивала мама.

– Кажется, с двумя. Напиши «отсос», – скабрёзно пошутила в ответ тетя Жанна и сама же застенчиво, как девочка, нашедшая в папиной тумбочке порножурнал, захикала. – Отсос как средство сохранения брака.

– Нет, правда. Тут одна дуручка пишет, что повредила голосовые связки. Потому что пыталась исполнить трюк «глубокая глотка». – Мама поправила дужки очков за ушами и блинзурко сощурилась. В ее руках – письмо от неудавшейся порнобогини.

– Как это? – поинтересовалась тетя Жанна. – Это же какой длины у него был, если она связки повредила?.. – Она задумалась, явно что-то прикидывая. – Посоветуй ей так не усердствовать... Слушай, Юль... А ты когда-нибудь...

– Глубокую глотку? Вот еще. Что я, шалава, что ли?

– И я нет, – вздохнула тетя Жанна, – вообще, я бы тоже хотела научиться. Говорят, мужчин это с ума сводит.

На этом месте Оля не выдержала и покинула комнату. Видели бы вы Юлию Аркадьевну и тетю Жанну! Олина мама невысокая и худенькая, она постоянно сидит на новомодных диетах и часто перебарщивает, а потому ее конечности отчасти похожи на недоваренные спагетти. Она слишком ярко красится и носит очки с толстыми стеклами – когда мама в очках, кажется, что у нее огромные, как у марсианина из комикса, глаза. А тетя Жанна внешне похожа на Ясира Арафата. Конечно, Оля никогда ей об этом не скажет, потому что тетя собою полностью довольна. Тетя Жанна – высокая и крупная брюнетка с едва заметными усиками над верхней губой. Несмотря на свои внушительные габариты, в одежде она предпочитает молодежный стиль. Джинсы, свитера самых смелых расцветок, юбки на два пальца выше колена, на голове – бандана. Эта бандана, кстати, еще больше усиливает сходство тети Жанны с палестинским лидером. И вот такая парочка постоянно, чуть ли не круглосуточно светски болтает о сексе – от этого с ума сойти можно. Хорошо, что Ольга давно живет отдельно.

Оля – не любимая мамина дочка. Влада, ее старшая сестра, которой двадцать семь лет – вот кто настоящий баловень судьбы. Телосложением и ростом Владочка пошла в маму – только

мама выглядит как уже слегка увядшая роза, а Влада – как свежая, сочная, со стразами еще не высохшей росы на листьях.

Владочка – она и блондинка, и ноги у нее длинные, и ногти длинные (а у Оли все время ломаются, и маникюрша ее за это журит), и волосы длинные, ниже попы, и глаза синие, и губы бантиком, словно для поцелуя готовые. Будь она при этом дубиной стоеросовой – Оле все было бы не так обидно. Так нет, Влада учится в аспирантуре факультета журналистики МГУ, кандидатскую диссертацию пишет. Работают сестры вместе, на телевидении. Влада – ведущая программы «Культурная контрреволюция», а Ольга – просто корреспондент.

...Юлия Аркадьевна любит Олю постольку поскольку, зато Владу – от всей души. Однажды Оля случайно подслушала мамин разговор все с той же тетей Жанной. Было это лет десять назад, но Оля и сейчас помнила каждое слово. Обидный разговор, неприятный.

– Знаешь, Жанка, я иногда думаю, что Олька не моя дочь. Ну как такое могло получиться? Одна – умница и красавица, кровинка моя. А другая...

– Просто умница, – интеллигентно подсказала тетя Жанна.

– Иногда смотрю на нее и думаю – как я физически могла породить такое чудовище? Почему, за что? Чьи это гены? Когда Оле было одиннадцать лет, я наняла историка. Он мне ее родословную составил.

– Да ты что?

– И знаешь, что выяснилось? Борькина бабушка, он ее в жизни не видел, была толстой, как бегемот.

– У тебя есть фотография? – жадно поинтересовалась тетя Жанна.

– Нет, откуда? Бабка деревенская была, он специально в Архангельскую область ездил, очевидцев искал. Но по описанию – прямо моя Олька выходит. Высокая, светлая, глаза синие. Северная такая. И туша – под сто кило. Вернее, в старости она уже больше весила. Моя тоже, наверное, поправится еще.

Тетя Жанна сокрушенно поцокала языком. Она сочувствовала маме. «Еще бы, – подумала Ольга тогда, – вот бедняжка, легко ли родить да еще растить у всех на глазах такого уроды, как я».

– Лайма Юлиановна бабку звали.

– Но ведь у нее все сложилось, – сказала Жанна, – у этой Лаймы Юлиановны. Если она – Борькина бабушка, стало быть, не обошлось и без дедушки.

– Да, это верно, конечно. Но тогда все по-другому было. Другие каноны красоты. Боюсь, что моей Ольке это не светит... Что ж, хорошо, что есть Владочка. Вот от кого я внуков жду. Понимаешь, Жанна, ну не могу я любить их одинаково! Владочка – она же как я. У нее фигура моя, волосы мои и даже голос. У нее ямочки на щеках, и она смеется, как ребенок. А походка, а попка! Она вся как шампанское – искрящаяся. Звездочка! А Ольга... – Юлия Аркадьевна вздохнула и замолчала.

Оля тогда долго плакала. А потом – как обычно – смирилась. Не может же, в самом деле, мама ее совсем не любить.

А Владка... У Ольги были все стимулы возненавидеть преуспевшую сестру, но был ли в этом смысл? Да и потом, разве может один цивилизованный человек затаить злобу на другого цивилизованного человека просто потому, что у последнего ноги длиннее, талия тоньше и мужиков больше?

А вот имя незнакомой своей прабабушки Ольга запомнила. Красивое имя – Лайма Юлиановна. Ласкающее имя, томное, теплое – несмотря на то, что Лайма Юлиановна всю жизнь прожила в непосредственной близости от Белого моря. Засыпая, Оля повторяла беззвучную мантру – Лайма Юлиановна, Лайма Юлиановна... Раз у Лаймы Юлиановны все сложилось хорошо, то и ей, Ольге Бормотухиной, вполне может повезти. По крайней мере, незримое присутствие давно скончавшейся северной прабабушки эти шансы увеличивало во сто крат.

Десятого января Ольге надо было выходить на работу после затянувшихся «каникул». А девятого она отправилась в ГУМ и приобрела тушь для ресниц. В новом году ей хотелось привнести в свою внешность хотя бы один симпатичный штрих. Расплачиваясь, она зачем-то сказала кассирше:

– Это для моей сестры.

– Хороший выбор, – с вежливым равнодушием похвалила девушка ее вкус.

И Ольга поспешила отойти, ругая себя за малодушие. Зачем она начала оправдываться? Как будто бы толстые женщины не имеют право на лукавое украшательство.

Она всегда стеснялась использовать декоративную косметику. Ей казалось, что окружающие, увидев ее накрашенной, заподозрят в ней желание посягнуть на нечто, ей вовсе не принадлежащее. На сексапильность, на заинтересованный мужской взгляд, который – а вдруг? – скользнет по ее подкрашенному лицу. Это было так глупо, но Оля отделаться от этой мысли не могла.

В юности она, конечно, пробовала экспериментировать с косметикой. Покупала себе и тени, и румяна. А однажды сперла из маминой косметички синтетические накладные ресницы.

Разочарование было жестоким.

Вдумчиво накрасившись, Оля тогда отправилась, эксперимента ради, на другую сторону проспекта за мороженым. На полпути она была остановлена незнакомым мужчиной, пьяноватым, но на вид довольно безобидным. Тронув ее за локоть, он спросил:

– Вы из... этих?

– Из каких? – приосанилась Оля.

В первый момент ей показалось, что наглый незнакомец принял ее за проститутку. Как ни странно, это ей польстило – жрицы любви всегда казались Оле Бормотухиной недостижимо женственными.

– Ну... по телевизору показывают. – Его узенький лоб собрался в складки, как у шарпея, мужчина мучительно соображал.

– Телеведущие? – с надеждой подсказала она.

– Да нет... Подождите... Блин, вот память стала... Мужики переодетые... Трансплантанты... Сталактиты...

– Трансвеститы. – У Оли упало сердце.

Ей вдруг захотелось забраться в канализационный люк и отсидеться в его смрадной темноте до самой ночи. А потом прокрасться домой малолюдными переулками, стыдливо занавешивая глаза накладными – черт бы их побрал – ресницами.

Она еще немного побродила по ГУМу. Поглазела на вечерние платья, выставленные в витрине «Галери Лафайет». Владке бы такое платье пошло. Ей, как и маме, нравится все блестящее, мило-вульгарное, цыгански-вычурное.

В кафе на третьем этаже она съела слоеный пирожок с вишневым вареньем. Оле показалось, что продавщица взглянула на нее укоризненно. Туша, пожирающая слоеное тесто, – наверное, зрелище это почти далианское.

«Ну и плевать, – подумала Ольга, – по-моему, жирная тетка, обедающая плюшками, – это намного эстетичнее анорексичной спички, которая отправляет два пальца в рот каждый раз после того, как съедает что-нибудь калорийнее морковки!»

– Девушка, не подскажите, который час?

Она улыбнулась и с готовностью задрала рукав. К ней обращался молодой брюнет с сахарной улыбкой. У него был вид провинциала, который жестко поставил перед собой цель скрыть от окружающих свое немосковское происхождение, но пока не очень в этом преуспел.

– Половина пятого.

Оля уже привыкла, что если мужчина обращался к ней с двусмысленным вопросом о времени, то он и имел в виду именно время, а вовсе не возможность с ней побеседовать.

Но брюнет не спешил, вежливо ее поблагодарив, удалиться по своим делам.

– Вы здесь хорошо ориентируетесь? – продолжал улыбаться он.

– Довольно хорошо, – сдержанно ответила Оля. Она чувствовала себя немного неловко оттого, что он не стеснялся внимательно ее разглядывать.

– А мне вот маме подарок надо купить, – простодушно объяснил брюнет, – ко дню рождения. Хотел подобрать какие-нибудь духи и запутался. Ничего в этих ваших женских штучках не понимаю.

Он замолчал и посмотрел на Ольгу, как ей показалось, вопросительно. Пауза затянулась. Оля исподтишка рассматривала его. Высокий, глаза карие, как у оператора Гоши Кудрина. С одной стороны, она была бы совсем не против помочь ему выбрать духи. Тем более что у Оли было чуткое обоняние, она хорошо разбиралась в ароматах и была уверена, что у каждого запаха есть свой характер. С другой стороны, почему он привязался именно к ней? Он хорош собой, молод и, кажется, нахален. Мог бы выбрать кого-нибудь постройнее...

– Просто от вас приятно пахнет. – Его улыбка стала еще шире. Чеширские котики отдыхают.

– Что? – удивилась она.

– Вы, наверное, думаете, почему я к вам привязался? Так вот, я и объясняю. Пахнет от вас приятно. Что это за духи?

– Я не пользуюсь духами, – смущенно пробормотала Оля. – Это апельсиновое масло. У меня есть еще коричневое, хвойное... Зачем я вам это объясняю? Если хотите, могу помочь подобрать духи для вашей мамы, время у меня есть.

– Вот спасибо! – искренне обрадовался он. – Меня зовут Эдуард. Можно Эдик.

– Оля.

Она засуетилась, занервничала немного. Махнула рукой в сторону парфюмерного отдела, при этом с ее плеча съехала сумка, раскрылась, упала... Эдуард помог собрать с пола рассыпавшиеся мелочи – бумажник, авторучку с изгрызенным концом (какой позор! Позор!), гигиеническую губную помаду, носовой платок – слава богу, свежий, пахнущий лимонным мылом.

– Как зовут вашу маму? – спросила она, просто для того, чтобы не молчать. Затянувшееся молчание вгоняло ее в краску не хуже его пристального взгляда.

– Лидия Юлиановна.

– Да вы что? – ахнула она. – Мою прабабушку звали Лайма Юлиановна. Редкое имя – Юлиан.

– Вы знали свою прабабушку?

– Кажется, да, – рассмеялась она, – а какие запахи нравятся вашей маме? Какая она?

– Станный вопрос, – нахмурился Эдуард, – она учительница музыки. Высокая. У нее нет ни одного седого волоска. Представляете, а ведь ей уже под шестьдесят. Такая прихоть природы. Она ни разу в жизни не красила волосы.

– Наверное, ей к лицу естественные запахи. Никакой тяжести, пыли.

– Пыли? – удивился он.

– Есть такое выражение: «пыльный» аромат.

– Все-то вы знаете, – и он сжал ее локоть.

– Все же я женщина, – улыбнулась Оля, – ароматы – это единственная косметика, которой я пользуюсь.

– Давно не встречал девушку, которая не любит краситься. Знаете, это отвратительно – целоваться, когда у девчонки накрашены губы.

Оля нервно прикусила нижнюю губу. И попыталась замаскировать смущение, придав своему лицу серьезный, заинтересованный вид. Она схватила с полки первый попавшийся флакон, брызнула из него в воздух и сосредоточенно принялась.

– Гуччи, «Раш», – объявила она, – вообще-то этот парфюм считается молодежным.

– А мне нравится, – Эдуард смешно пошевелил кончиком носа, – а если честно, я уже и не чувствую ничего... Оль, а может быть, сделаем перерыв? Если у тебя есть время, приглашаю на обед, – ненавязчиво перешел он на «ты». – Должен ведь я как-то компенсировать свое нахальство.

– Но мне было совсем несложно...

– Да брось. Здесь есть хороший ресторанчик с кубинской кухней, «Че». Любишь остренькое?

– Люблю вкусненькое, – улыбнулась она и неловко пошутила: – А разве по мне не видно? Он вежливо проигнорировал ее самоунижительную остроту.

– Значит, берем Гуччи и идем есть кесадилью.

– Что такое кесадилья?

– Вот и узнаешь заодно. Надеюсь, ты не за рулем?

Она отрицательно помотала головой.

– Вот и замечательно. Тогда будем пить настоящий кубинский ром.

Кесадилья оказалась тонкой лепешкой с острой начинкой из курицы и расплавленного сыра. Что-то вроде пиццы, только пресное тонкое тесто прикрывало горячую начинку с двух сторон. Вдохнув дразнящий аромат курицы, Ольга осознала, как она проголодалась. По привычке она продолжала придерживаться необременительной диеты. На завтрак – яйцо и грейпфрутовый сок, на обед – ничего. А вот вечером Оля, как правило, не выдерживала и наедалась по полной программе. Опустошала холодильник с аппетитом вернувшегося со смены лесоруба. Толку от такой «диеты» было – ноль. С силой воли Оле Бормотухиной, как и с телосложением, не повезло. Впрочем, иногда ей все же удавалось сбросить три-четыре килограмма – только вот внешне выстраданная потеря веса не была заметна вовсе. Что такое три кило, если в тебе почти полтора центнера?

После двух порций рома Оля заметно повеселела и расслабилась. Она сидела напротив окна. В январе темнеет рано – так что вместо улицы она была вынуждена созерцать собственное весело жующее отражение. И – надо же – размытое лицо, отражающееся в стекле, почему-то вовсе не казалось ей безобразным. Может быть, она все же немного похудела? Или это игра света?

– Куда ты все время смотришь? – обернулся Эдуард.

– На себя, – вздохнула Оля. – Не очень-то я похожа на человека, которому к лицу самолюбование, да?

– Слушай, почему ты так себя не любишь? – Он, казалось, был искренне удивлен. – Все люди любят смотреть на себя в зеркало. И ты не исключение.

– Но не все люди весят сто двадцать девять килограммов, – выпалила она перед тем, как с ужасом подумать: «Что я несу?! С мужчинами так нельзя...»

– Полнота женщину не портит, – дипломатично заметил Эдуард, который с каждой минутой нравился ей все больше и больше, – вот у мужиков с пивными животиками вид жалкий... А ты... Твоя полнота не безобразна. Ты очень красивая женщина. С формами.

– Ох, скажи, пожалуйста, что-нибудь еще! – рассмеялась Оля.

– В смысле?

– Ну, мне так редко делают комплименты. Хочется наесться их на год вперед... Если хочешь, я могу тебе тоже что-нибудь приятное сказать. Например, что у тебя красивые волосы. Ой, я, кажется, немного перебрала.

– Ничего страшного, – он накрыл ее ладонь своей.

Оля дернулась, как будто бы это была не теплая мужская ладонь, а противная желеобразная медуза. Она не привыкла к подобным проявлениям нежности, или дружеского расположения, или... кто его знает, этого странного Эдуарда. Зачем он все это ей говорит? Зачем он держит ее за руку, не отпуская? Зачем он смотрит на нее с какой-то вкрадчивой улыбкой? С похожим выражением лица смотрит оператор Гоша Кудрин на Олину сестру Владу, и в такие моменты она их обоих готова убить.

– Согласен, – он несильно хлопнул другой ладонью о стол, – идет. Мне тоже давно никто не говорил ничего приятного. Итак, я начинаю... У тебя красивые руки.

Оле захотелось спрятать свои руки под стол. Может быть, они у нее и красивые, но ухоженными их не назовешь. Ногти не растут и ломаются. И она сто лет не была у маникюрши. Хотя давно пообещала самой себе при любых обстоятельствах следить за собой.

– Твоя очередь, – поторопил Эдуард.

– У тебя глаза, как у Бемби из мультфильма, – промямила Оля.

– Образно, – похвалил он. – А у тебя... у тебя роскошные волосы. Как у Шакиры.

С этим, пожалуй, поспорить было трудно. Тяжелая копна цвета осеннего поля – единственная королевская роскошь, которой наградила Ольгу незнакомая Лайма Юлиановна. Несколько раз ей даже предлагали продать волосы – для того чтобы из обрезков золотого Олиного богатства состоятельные дамочки смогли заказать для себя шикарные парики. Но она не согласилась лишиться своей самой привлекательной черты, даже когда победитель международного конкурса парикмахеров предложил ей полтысячи долларов за ее локоны.

– У тебя... у тебя... слушай, не могу я больше. Что за глупости...

– Ну вот, – притворно расстроился он, – девушку смутил... Оль, а ты случайно не актриса?

– Что? – развеселилась она. Его наивное предположение и смутило Олю, и польстило ей. – Какая из меня актриса?

– У тебя просто мимика очень богатая.

– Я работаю на телевидении, – она нарочно подчеркнула последнее слово – пусть знает, что, несмотря на треклятые килограммы, Ольга тоже не лыком шита.

– Да ты что? – с провинциальной непосредственностью восхитился он. – А звезд каких-нибудь знаешь? Якубовича? Меньшову?

Ольга покрутила в руке бокал с прозрачным ромом. Лыдинка с легким стуком ударилась о тонкие стенки. Кажется, настал подходящий момент для того, чтобы выложить на карточный стол козырного туза.

– Есть такая телеведущая, Влада Бормотухина. Конечно, ты можешь ее и не знать, она не такая уж и известная...

– Влада Бормотухина! – перебил Эдуард. – Такая маленькая беленькая секси! Конечно знаю! Она новости культуры ведет!

– «Культурная контрреволюция», – машинально поправила Ольга, – так вот, это моя сестра.

– Родная? Да ты что, – ахнул он, – но вы совсем не похожи.

– Это верно, – вздохнула Оля.

С одной стороны, ей было приятно, что у нее есть весомый повод для гордости в виде знаменитой «секси»-сестренки. С другой – было немножко обидно, что Эдуард молниеносно переключил внимание с нее, Ольги, на Владу. Как будто бы это не он только что распинался по поводу Олиных роскошных форм и густых волос. Вот тебе и глаза, как у диснеевского Бемби. Все они одинаковые.

– Ты расстроилась? – заметил Эдуард.

– Устала просто. – Оля взглянула на часы. Оказывается, они просидели в ресторанчике полтора часа. Время пронеслось незаметно. Есть у времени такая несправедливая особенность

– стоит человеку противоположного пола заговорить о твоих нежных руках и твоей богатой мимике, как оно убыстряет темп, как будто бы боится опоздать на последнюю электричку. – Пора мне. Завтра на работу, вставать рано.

– Оль, а можно я тебя провожу? – Он заерзал на стуле.

– Знаешь, я живу отдельно. Моя сестра живет с родителями, а я снимаю квартиру, – усмехнулась она.

– А при чем тут это?

– Просто я подумала, что, может быть, ты хочешь проводить меня, чтобы познакомиться с моей сестричкой-звездой. Так вот, я и решила сразу предупредить... Чтобы ты зря не тащился на другой конец города.

Он помолчал, с преувеличенным вниманием рассматривая кончик вилки. А все же он необыкновенно хорош собой, некстати подумала Ольга. Волосы такие густые и, кажется, мягкие. Черт, как же хочется протянуть руку и погладить его по волосам... Зачем она столько выпила?.. А глаза какие яркие, словно подведенные карандашом. Как у принца из индийского фильма. Владке бы он точно понравился – Оли на сестра всегда «западала» на брюнетов.

– Странная вы девушка, Ольга Бормотухина, – наконец сказал он. – Ну при чем здесь вообще твоя сестра? Познакомился-то я с *тобой*. И обедал с *тобой*. И проводить домой хочу *тебя*... Кстати, а у меня есть брат футболист.

– При чем здесь твой брат?

– Вот видишь! Ни при чем. Так что собирайся, красавица. Отвезу тебя домой.

Глава 2

Поверить не могу.

Все же я сделала это.

Не смогла удушить вспыхнувшую, как облитый бензином сеной сарай, ярость. И ярость взяла верх надо мной – надо мной такой, какой я хотела самой себе казаться. Красивая, уверенная в себе девушка, которая тусуется в модных клубах ночи напролет, которая коллекционирует необычные сапожки и обожает играть в дартс. У меня ямочки на щеках, я люблю запах апельсина и корицы, люблю гулять в непогоду, прислушиваясь, как дождевые метеориты взрываются на поверхности зонта. Говорят, у меня заразительный смех, и еще – я давно хочу сделать татуировку на щиколотке, морского конька или дракона. Мне нравятся брюнеты, знойные и смуглые. Что еще? Позавчера я купила новое пальто, лазоревое, с меховой опушкой. Понимаете, я обычная девушка с обычными невинными прибабасами.

Но вместе с тем...

Я человека убила.

Стою посреди кухни, зареванная. Глаза опухли и превратились в восточные щелочки. На мне шикарное атласное платье в японском стиле с вышитой веточкой сакуры на спине – тоже мне гейша! А тушь потекла, и теперь на щеках сине-зеленые полосы. Знаете ли вы, что в этом сезоне в моде русалочьи холодные оттенки? Мои волосы завиты у концов, мои ногти аккуратно покрашены, а ноги гладкие, как спинка новорожденного поросенка, потому что я обработала их восковыми полосками. Пренеприятнейшая, доложу вам, процедура, но я ее стойко вытерпела, потому что рассчитывала на секс. Сумасшедший секс с брюнетом, который в данный момент лежит между холодильником и кухонным столом, раскинув руки в стороны. Он лежит лицом вниз, и в спину его, прямо в безупречный кожаный пиджак от Армани, воткнут нож для рубки мяса – и неряшливая рана выглядит упреком его импозантности.

Этого мужчину убила я.

Он сам виноват! Сам! Кто заставлял его обращаться со мной так, как будто бы я пустое место? Я ведь просто хотела его поцеловать, я ведь за этим сюда и приехала. О чем он думал, когда приглашал меня на загородное свидание? И вот, когда я подошла к нему, с блестящими глазами и губами, разомлевшая, томная, смелая, он взял меня за плечи и объявил, что мы с ним – просто друзья. Всего лишь, черт побери, друзья! Только вы не подумайте, что я бросаюсь с ножом на каждого отказавшего мне мужчину. Но это особенный случай. Мне вдруг вспомнились все обиды и унижения, которые заставил меня испытать этот человек. Сколько раз я, думая о нем, рыдала в подушку!

И вот... Он лежит передо мной, и он – это уже не он, а просто его остывающее тело. Какой кошмар!

До сих пор верить не могу – а ведь еще десять минут назад он стоял, прислонившись к подоконнику. В одной руке – миниатюрная чашка с ароматным травяным чаем, в другой – дымящаяся сигарета. И он весело рассказывал о своей поездке в Венецию, а я теребила пуговку на воротнике платья, и мы собирались есть омлет с сыром. Пористый омлет и до сих пор аппетитно желтеет в духовке. Только вот мужчины, на него претендующего, который хотел меня им накормить, больше нет. Потому что я убила его кухонным ножом – машинально схватила мясной, самый опасный, остро заточенный.

И вот стою на кухне в таком соблазнительном платье, реву. Мне еще нет и тридцати. И что меня ждет впереди? Опясанное колючей проволокой беспросветное будущее?

А может быть...

Я осторожно приблизилась к тому, кто несколько минут назад был объектом моего вожделения, а сейчас напоминал опрокинутый на пол пластиковый манекен. Опустила руку

ему на затылок (обнадеживающе теплый, черт побери!) и слегка приподняла его за голову, чтобы заглянуть ему в лицо. До того, как я это сделала, оставалась смутная надежда: а вдруг выжил? И лишь бросив взгляд на его лицо, я поняла – дело дрянь. Мужчина, с которым я так мечтала переспать, превратился в подобие тренажера для обучения азам искусственного дыхания: бледное резиновое лицо, глаза закрыты, а рот, напротив, широко распахнут, чтобы учащимся было удобнее вталкивать в силиконовые легкие воздух.

Боже, о чем я думаю?! Мне бы сейчас достать из сумочки мобильный телефон да в милицию позвонить. Интересно, легко ли будет произнести это вслух – я убила человека, запишите адрес... А потом выйти на крыльцо, присесть на шаткую лавочку и наблюдать, как измученные сентябрьским ветром листья с обреченным вздохом десантируются на мокрую землю. Именно такими будут последние пятнадцать минут моей свободы. А потом? Пятнадцать лет тюрьмы. Ну, может быть, десять, но никак не меньше. И на свободу я выйду старухой, потому что мне нельзя будет пользоваться кремом от морщин вокруг глаз и ходить на антицеллюлитный массаж. Я поседею, и еще у меня испортятся зубы. И все из-за душевной ярости, накрывшей меня штормовой волной в самый неподходящий момент.

Мой тупо блуждающий по кухне взгляд вернулся к расprostертому на полу телу. Почему так мало крови?

В горле запершило, как будто бы я проглотила пригоршню дробленого миндаля. Это было похоже на извержение вулкана – горячая лава прилила к моему лицу и солеными потоками хлынула из воспаленных глаз.

И сперва мне пригрезилось, что это запоздало дала о себе знать жалость. И правда – за эти кошмарные пятнадцать минут я успела испытать все что угодно – ужас, сомнение, отчаяние, все, кроме жалости к нему. И только спустя еще несколько минут я поняла – нет, не его оплакиваю.

Себя.

Я накинула свое новое пальто и вышла на крыльцо. Звонящая тишина, характерная для позднего сентября, накрыла меня с головой, словно ватное одеяло. Мне даже сначала помешалось, что я оглохла. Но потом я услышала далекое воронье карканье и поняла, что это очередной психоз. Почему хриплые вороны переговоры ассоциируются у меня с кладбищем?

Я зябко поежилась. Так, чувствую холод, руки машинально застегивают пуговицы – наверное, это означает, что я еще не окончательно свихнулась.

А вокруг – ни души. Дачный поселок в пятидесяти километрах от Москвы пустовал. Среда, вечер, да еще и холодно как. И от Москвы далековато, вот ни один дачник и не приехал провести свои еще не укутанные на зиму сотки. Одна я, дура, приперлась в гости к мужчине, предвкушая роскошный вечер у камина.

Я достала из сумочки мобильник. Хватит размазывать сопли по зареванному лицу. Пора покончить со всей этой дурацкой рефлексией, в конце концов, у меня будет как минимум десять лет, чтобы спокойно все обдумать и нареваться вволю.

Набрала «02» – а в ответ тишина. Все ясно, мобильный находится в «мертвой» зоне. «Абонент не отвечает или временно недоступен» – вот вам и чистосердечное признание.

В первый момент я, признаюсь, растерялась. Что же теперь делать – бегать по поселку с телефоном на вытянутой руке в поисках пригорка, на котором все же действует сотовая связь? Или попытаться найти хоть одну живую душу в этой глуши? А вдруг в чьем-нибудь домике найдется телефон? К тому же здесь должен быть сторож... Я понимала, что проект сомнительный, ну что я скажу ему? Извините, мол, бога ради, что отвлекаю вас от просмотра «Санта-Барбары», но я вот тут человека убила, да-да, соседа вашего. Нельзя ли от вас позвонить, пли-и-из?

Можно еще попытаться найти ближайший населенный пункт с почтой. Но я понятия не имела, в какую сторону следует идти.

Зато мне было прекрасно известно, где находится автобусная остановка, – несколько часов назад я сошла с рейсового автобуса, счастливая и нарядная. И меня встречал улыбающийся мужчина.

Не без некоторой опаски я оглянулась на оставленный мною дом. В окнах уютно желтела неяркая мерцающая лампа. Что ж, похоже, другого выхода у меня нет. Придется вернуться на автобусе в Москву. Позвонить в милицию можно и из своей квартиры. Заодно у меня будет немного времени, чтобы собрать вещи в камеру, – на моих бестолковых родственниках рассчитывать не стоит. Правда, я ничего не знаю о том, каким должно быть содержимое саквояжа зечки. Но ничего, на месте сориентируюсь.

Покидая дом, я на всякий случай вымыла свою чашку и выключила свет.

В автобусе сидела у окна, вспоминала. *Его*, темноволосого, еще вчера любимого, а сегодня – бывает же – мертвого.

Я влюбилась в *него* с первого взгляда – да, такое случается не только в мелодрамных мини-сериалах. Можете мне поверить, ведь я – доктор наук по части безответной любви. Можно и так сказать: до того, как я *его* встретила, моя жизнь была размеренной и, может быть, даже немного скучной – зато я была уверена в том, что завтрашний день будет таким же, позитивно срисованным с сегодняшнего. Будь на то моя воля, я ни за что бы не променяла эту крашенную в тускло-серый цвет безмятежность на горячую оранжевую истерию. *Он* появился, и я сошла с ума, просто на стенку полезла.

Вы смеяться будете, но я, взрослая тетка, даже пару раз звонила в телефонную психологическую консультацию. Бесплатный телефон доверия – спасите! Я влюблена и жестоко проигнорирована! Равнодушная, но вежливая аспирантка психфака посоветовала мне ярче краситься, поменьше обращать на него внимание, а на ночь пить новопассит.

И я купила косметический набор «Шанель». Но синие тени с мерцающим блеском не заставили *его* добровольно утопиться в «омуте» моих тщательно накрашенных глаз. А золотистая губная помада так и не смогла намекнуть на то, что я жажду его поцелуя. Ничего не изменилось.

У него на глазах я кокетничала с коллегой из коммерческого отдела. Я принимала ненужные мне приглашения в кино и даже в гости. Все закончилось тем, что в один прекрасный день я обнаружила себя в чужой постели, а рядом лежал чужой голый мужчина, который не вызывал во мне никаких эмоций, кроме смутного раздражения. А *он*, кажется, даже не заметил ничего. Хотя по оптимистичному сценарию телефонного психологического консультанта должен был страдать от внезапной черной ревности.

Что же касается новопассита, то я скупала его коробками. Я «подсела» на новопассит, как слабительный подросток на героин. И далеко не всегда эти сладко пахнущие капли могли уговорить ночную лихорадку моего растревоженного сердца. В лучшем случае я проваливалась в полный странных ярких сновидений полусон-полубред. После такого сна я чувствовала себя не отдохнувшей, а окончательно добитой.

В общем, ничего они не понимают в безответной любви, эти жизнерадостные телефонные консультанты.

Если бы можно было усыпить человека на время! Заснуть на пару лет – а потом проснуться с румянцем бодрости на отдохнувшем лице. Выстрадать положенное во сне. Проснуться обновленной и нечуткой к огненным взглядам брюнетов, которые пудрят тебе мозги. Временная летаргия. Идеальная панацея для таких, как я, для слабых женщин, влюбленных в манипуляторов.

Если бы он сразу дал мне понять – ничего, мол, не выйдет, ты, дорогая, баба хорошая, но не в моем вкусе, можешь зарубить это на своем курносом носу, – я бы, честное слово, смирилась. Но нет – он постоянно меня обнадеживал.

Однажды он пригласил меня на рок-концерт.

Спрашивается, почему бы ему было не позвать Веру из бухгалтерии или Наденьку из службы анонсов. Но он выбрал именно меня. Я восприняла это как знак свыше и расстаралась, балда. Купила кожаные штаны и бандану – чтобы выдержать рок-стиль. Увидев меня, он рассмеялся. Панибратский хлопок по плечу – и из почти двойника ранней Шер я развенчана в нелепую тетку в странном одеянии.

– Сними эту бандану, старушка! На нас все смотрят, я стесняюсь. А эти кожаные штаны тебя полнят!

Весь концерт я просидела как на иголках. Никакого удовольствия не получила и даже не запомнила, кто именно выступал. Я комкала в руках кожаную бандану и мечтала под землю провалиться. Мне казалось, что все окружающие смотрят на меня насмешливо. И я чувствовала себя бочкой жира, хотя в зале было полно женщин куда толще меня.

Мне хотелось поскорее попасть домой и переодеться.

Но когда концерт закончился, он предложил вместе поужинать. Я растерялась. С одной стороны, я так давно мечтала об этом – вкушать буржуазную клубнику под пышной шапкой взбитых сливок и чтобы напротив сидел он. И молча любовался бы мною и тем, как я ем. С другой стороны, я почему-то продолжала чувствовать себя уродиной. Я была красивой, совершенно точно. Но в глазах моих не было того особенного блеска, который отличает настоящую красавицу от самозванки.

И все же я согласилась. Я знала, что никогда не прощу себе упущенной возможности. Ничто не огорчает так, как то, что мы не сделали когда-то, хотя и могли.

Он привел меня в китайский ресторан на проспекте Мира. Я заказала экзотический десерт – боярышник в кляре. Но есть от волнения не могла – вилкой катала кусочки теста по луже патоки и совершенно по-идиотски молчала.

А *он*, представьте себе, говорил о любви. Не о любви ко мне, конечно, а об абстрактной любви. Но звучало это обнадеживающе. И правда, если *он* ни на что не хотел намекнуть, то почему поднял именно эту тему? Почему не завел разговор о чем-нибудь безопасном – о растущих ценах на автомобили или стратегических особенностях хоккея на траве.

– Любовь – это самый опасный противник, – говорил *он*.

– Что ты имеешь в виду?

– Никогда не знаешь, на какую уловку она пойдет в следующий раз, чтобы выставить тебя полным дураком.

– Тебе так не везло в любви? Я затаила дыхание.

– У меня было много женщин, но все как одна суки. Ненавижу сук. Именно поэтому я решил изменить свое отношение к любви.

– И?

Кажется, в тот момент у меня поднялась температура. Такое странное ощущение – как будто бы сердце растеклось по всему организму, как ртутные шарики.

– Понимаешь, я всегда был слишком категоричным. Я обращал внимание только на тех женщин, появление которых было сродни удару под дых. Знаешь, старушка, есть такие люди, которые кровь заставляют закипеть.

Уж я-то знаю, подумала я, тщетно пытаясь остановить кипение.

– Такие люди делают тебя несчастным, – он раздраженно отодвинул свою тарелку с острым рисом. – Можно попробовать твой боярышник?

– Конечно, – прошептала я.

Я знала, что сейчас, вот сейчас, он скажет что-то важное.

Но *он* принялся сосредоточенно жевать. Мне пришлось ждать по меньшей мере десять минут, пока *он* справился с десертом и с помощью зубочистки избавился от остатков патоки, прилипших к зубам.

– Так вот. В последнее время я стараюсь обращать внимание не только на девушек, которые одним взглядом отправляют тебя в нокаут. Я подумал – а что если любовь иногда подкрадывается исподтишка? А ты уваливаешь от нее, упорно поворачиваясь спиной.

К чему *он* это? Неужели имеет в виду меня? Я сидела напротив него и улыбалась. Проснись и пой, корова в кожаных штанах! Конечно, *он* имеет в виду тебя, а кого же еще? Не официантку же, которая только и успевает подносить *ему* сливовое вино.

– Совершенно с тобой согласна.

– Вот видишь! – возликовал *он*. – Значит, не один я так считаю. Значит, это правда.

– Я тоже часто об этом думаю. – Воодушевленная хрупким теплом, вдруг возникшим между нами, я протянула руку и погладила *его* по щеке. *Он* улыбнулся, я смутилась.

Благословенное тепло, нежное, как бутон подснежника. Если правильно за ним ухаживать, лелеять его и подпитывать, то оно может разрастись в вибрирующий огонь.

– Именно по этой причине я и пригласил сегодня тебя...

Вот оно! Наконец-то! Йе-е-есссс!

Без преувеличений – я готова была вспрыгнуть на стол прямо в уродующих мою (толстую? Или не хуже, чем у других?) задницу штанах, каблуками раскидать тарелки и исполнить что-нибудь зажигательное и энергичное под «Танец с саблями», например.

– Я... я очень рада... Правда.

– Я хотел поговорить с тобой. Уверен, ты все правильно поймешь. Ты всегда казалась мне умной.

Я подалась вперед.

– Продолжай.

– Это касается Веры. Веры из бухгалтерии. Мне казалось, вы подруги.

Многоголосый хор ангелов в моей голове оборвал свое пение.

– Ну... не то чтобы подруги. Так, общаемся от случая к случаю. А что?

– В последнее время я много о ней думаю.

– Обо мне? – на всякий случай уточнила я.

– О ней. О Вере. Я вдруг подумал, а вдруг она – именно то, что я искал?..

...Подонок. Подлец.

Я прислонилась лбом к стеклу. Автобус трясло. Жалко, что в общественном транспорте нельзя курить. Как *он* мог так поступить со мной? Это не вчера произошло, но запомнилось, как и все горькие обиды, ярко. Неужели *он* просто ничего не заметил? Как я смотрела на него, как я, подобно отважной амазонке, охотилась за *его* взглядом? Как я радовалась *его* улыбке, как волновалась, когда разговаривала с *ним*? Как можно быть настолько нечутким? Или *он* просто был садистом? Сознательно ловил от этого кайф?

Если бы можно было с *ним* поговорить... Сейчас я бы не постеснялась. Почему я не догадалась обо всем *его* расспросить? Как безвольное бревно, поплыла по течению, влекомая кипящей яростью...

Автобусы я не люблю. Такое впечатление, что водитель нарочно тормозит как можно резче, чтобы пассажиры, как кегли, повалились друг на друга. Вот и сейчас – не успела я задуматься, как мне отдавили ногу. А на мне, между прочим, были бежевые замшевые сапожки, сшитые одним авангардным модельером на заказ. На каждой щиколотке вышивка, имитирующая татуировку в кельтском стиле. Хотя к чему на зоне бежевые сапожки... Там мне выдадут другую этническую обувь – валенки.

И все же – странно... Из-за *него* я несколько лет прожила, словно в тюрьме. *Он* заточил меня в пространство, ограниченное одним-единственным человеком – *им* самим. И вот теперь я отправляюсь в настоящую тюрьму – из-за *него* же...

А прошлой зимой был еще такой случай.

Он позвонил мне поздним вечером, когда я уже легла спать.

– Солнышко! Ничего, что я так поздно?

Его голос, как выяснилось, работал эффективнее заточенного в алюминиевую кастрюлю будильника. Я так и подскочила на кровати. Сон как рукой сняло.

– Ничего страшного! Я еще и не думала ложиться.

– Ты, кажется, в Сокольниках живешь?

– Да.

– Просто у меня машина сломалась. Ее чинят сейчас, но им потребуется несколько часов. А на улице мороз – жуть. Может, на чай пригласишь... – *он* помолчал. – Конечно, если это неудобно, то я все пойму.

– Удобно! – взревела я. – Конечно, приезжай! Записывай адрес!

Разумеется, я оптимистично решила, что сломанная машина и непогода – это классический прием интеллигентного соблазнителя. Я наскоро застелила кровать и побежала в ванную брить подмышки. На мне были бигуди, я торопливо сдирала их, вырывая целые пучки волос. В итоге на моей голове получилось нечто, более всего напоминающее парик Долли Партон.

У него был мобильный телефон, и вскоре он позвонил еще раз, чтобы уточнить номер подъезда.

– Как, ты уже подъехал?! – Я ужаснулась. Мне не хотелось, чтобы он видел меня с растрепанными волосами, без косметики и в плюшевой пижаме с пятном от кетчупа на груди.

– Еще нет, но скоро буду... Знаешь, а я почему-то очень хочу тебя увидеть.

– Я тебя тоже.

– Я торт купил. Ты любишь «Эстерхази»?

– Конечно! Мой любимый торт.

На самом деле я бы восхитилась, даже если бы он принес консервированную спаржу или рыбные палочки в панировке. Все, чем ему бы вздумалось угостить меня в ту ночь, я мгновенно возвела бы в ранг самого любимого блюда. Потому что это была бы еда, которая предшествует любви. Заниматься любовью с любимым человеком – разве не для этого я рождена на свет?

– Кажется, я только что поняла, в чем смысл жизни, – рассмеялась я.

– И в чем же?

– Потом расскажу. Главное, ты приезжай побыстрее.

– Хорошо. А ты надень, пожалуйста, белую рубашку, она мне так нравится!

– Что?

– Белую рубашку с вышивкой на кармане. Ты в ней так сексуальна.

Господи, он помнит мою одежду! А я столько времени была уверена, что он и присутствия-то моего не заметит, если я сама не подойду поздороваться.

– Конечно. Жду тебя.

– Целую.

И он отсоединился.

А я бросилась к шкафу, но рубашки с вышивкой на кармане не обнаружила. Запоздало вспомнила, что в порыве хозяйственности упрятала ее в корзину с грязным бельем. Отыскала рубашку в ворохе несвежих колгот. А что – не такая уж она и грязная. Только на воротнике полоска тонального крема. Но ее можно отстирать в раковине, а потом быстренько высушить под утюгом.

А что есть у меня в холодильнике?.. Какой кошмар, варенье заросло плесенью! Сколько месяцев стоит здесь эта банка?

Пока грелся утюг, я успела накрасить глаза, натянуть черные чулки с подвязками и подпилить ногти. Воротничок никак не хотел сохнуть, и в конце концов я решила оставить все как есть. Наверняка надолго эта рубашка на мне не задержится – раз он сам признался, что считает ее сексуальной. А судьба сексуальных вещей – быть сорванными в порыве страсти и в течение всего вечера небрежно валяться на полу. Растрепанные кудри я собрала в высокий хвост – получилось стильно.

А он все не появлялся. От скуки я решила испечь шарлотку. Сорок минут – и у нас будет душистый свежий пирог. После секса самое время поесть сладкого – можно прямо в постели. Я замесила в миксере тесто и обсыпала корицей яблоки. Хозяйничала и улыбалась. Какое же это счастье – готовить для любимого мужчины.

Прошло два часа, а он так и не появился. Поверх сексуальной рубашки мне пришлось надеть кардиган. В конце концов я и чулки сменила на рейтузы – ничего страшного, успею оперативно переодеться, пока он будет подниматься по лестнице.

На столе остывала шарлотка. Хотелось спать. Я сварила кофе и попробовала кусочек пирога. Вкусно. Включила телевизор – работал только ночной молодежный канал. Тупо понаблюдала за тем, как блондинистая Шакира виртуозно потрясает ягодицами. Вот бы и мне научиться быстро-быстро вращать попой в разных плоскостях – от мужиков отбоя бы не было.

Я не помню, как уснула. Утром обнаружила, что сижу в кресле, свернувшись калачиком. Ноги затекли, мышцы ныли, как после занятия аэробикой-латино, шею ломило. Я посмотрела на часы – половина одиннадцатого. Восхитительно, я опоздала на работу.

А он так и не приехал.

...В офисе я появилась через полчаса – и никто не посмел меня отчитывать, наверное, потому что у меня и так был похоронный вид. Косметику я смыла, а заново краситься не стала. Под глазами наметились синяки (но это была не та красноречивая синева, которая окаймляет глаза красивой женщины после бессонной ночи любви), голова не поворачивалась, потому что всю ночь я провела в прохладной комнате в рубашке с мокрым воротничком.

Он тоже опоздал. Я думала, что он виновато потупится или хотя бы попробует мне все объяснить. Но он подошел ко мне и как ни в чем не бывало хлопнул по плечу. Это он так со мной здоровался – терпеть не могу этот жест, допустимый в общении лишь с нелюбимыми женщинами.

– Прости, старушка! Хочешь орешков? – весело воскликнул он и протянул мне раскрытую пачку кешью.

– Нет, спасибо, – холодно отказалась я. – Знаешь, а я тебя вчера ждала.

Все-таки он немного смутился.

– Я понимаю. Прости, ради бога. Вчера у моей бабы день рождения был, я напился, и мы поссорились. И от отчаяния я начал звонить всем знакомым девушкам и напрашиваться в гости... Я идиот, извини, старушка...

... – Девушка, откуда же вы взяли тут, такая интересная?

Автобусный приставала совершенно не стеснялся обратиться ко мне, нарядно одетой задумчивой женщине, несмотря на то что был лохмат, не умыт и, кажется, изрядно пьян. Совсем молодой парень, блондин, широкое русское лицо, нос картошкой, веснушки. С трудом сфокусировал на мне взгляд, но улыбался вполне дружелюбно. Обычно я таких принципиально игнорирую. Хотя что уж там, я вообще стараюсь общественным транспортом не пользоваться.

Но в тот момент мне захотелось поговорить хоть с кем-нибудь. Главным образом для того, чтобы отвязаться от куда более навязчивого собеседника – внутреннего голоса.

– Вы считаете меня интересной?

– Еще бы! Никогда раньше таких не встречал. Вы случайно не артистка?

– В некотором роде.

– Знаете, а я бы на вас женился, – простодушно улыбнулся он. – Не верите? Правильно, мужчинам доверять не стоит. А я все-таки правду говорю. Спорим?

Мне вдруг стало грустно. Что же я делаю? Уже с пьяными в автобусе кокетничаю... Цепляюсь, как за соломинку, за последние мгновения свободы. Я и не подозревала, что сердце может так ныть от самых обыкновенных вещей. Этот автобус мне надолго запомнится. Может быть, я буду даже скучать вот по этому никчемному блондину. Если я ему об этом сейчас скажу – не поверит.

– Простите меня. – Я решительно встала и пробралась к выходу. С этого момента у меня своя дорога.

Не хочу в тюрьму. Только не сейчас. Только не я. Только не из-за этого придурка. Нет – не бывать этому, и точка. Эта мысль, простая и яркая, как вспышка молнии в анимационном кино, на несколько секунд парализовала меня.

Я стояла перед зеркалом в благоухающей ванилью ванной, все вокруг было таким знакомым – бесконечные стеклянные флаконы, разноцветные ароматические свечи, упаковки с краской для волос, змейки резиновых бигуди. И мое побледневшее лицо в забрызганном зубной пастой зеркале – красивое лицо, ухоженное.

И сейчас, вот прямо сейчас мне необходимо позвонить в милицию и сообщить о совершенном преступлении. Один телефонный звонок, и мой миниатюрный ванильный рай распадется на тысячу осколков, как неловко уроненный на кафель хрустальный флакон с духами.

Я присела на край ванны. Может быть, наполнить ванну теплой водой, перемешанной с розовым маслом, – в последний раз испытать дивно пахнущее блаженство релаксации? Эх, сколько поступков мне вдруг отчаянно захотелось совершить в последний раз! Поболтать по телефону ни о чем, съесть бутерброд с икрой, перечитать в сто пятидесятый раз Сэлинджера, посмотреть дурацкое телевизионное ток-шоу, померить оранжевые чулки с подвязками, которые я на прошлой неделе смеха ради купила в секс-шопе.

Я не хочу в тюрьму, а значит, не бывать этому.

Надо немедленно успокоиться. Есть ли у меня другой вариант? Как скоро будет найдено тело? Сегодня среда, раньше пятницы в дачном поселке народ не появится. И как быстро подозрения падут на меня? В последнее время мы так мало общались – наверное, сначала следователь пройдет по его близким знакомым. А знакомых у него – тьма-тьмушая. Особенно женщин, и каждая третья – ходячее воплощение страстной ревности. Кажется, убегая с дачи, я вымыла свою чашку. Конечно, там полно отпечатков моих пальцев, но откуда им знать, что отпечатки – именно мои?

Спокойно. С чего я вообще решила, что звонить в милицию необходимо? Полный бред, но виноватой я себя почему-то не чувствую. С моей точки зрения, подлец, измучивший столько женщин, включая меня, получил по заслугам. Он меня изнутри высушил, я стала черствой и вот теперь даже не способна испытать чувство вины.

Если я уеду из Москвы, кто меня найдет? Деньги у меня есть, не много, конечно, но на первое время хватило бы – а там устроюсь как-нибудь. И вообще, будет ли меня кто-нибудь искать? А если еще внести небольшие изменения во внешность...

Вряд ли в тот момент я соображала, что делаю. Скорее действовала на автомате – схватила коробочку с раствором «Домашняя химия» и бигуди. На коробке была нарисована глупо улыбающаяся блондинка, кудрявая, как овца. Подарок мамы – мама всегда считала, что мне стоит немного оживить свою внешность. Еще у меня была черная краска для волос, крем-автозагар и цветные контактные линзы, которые превратят мои прозрачно-голубые глаза в воспетые «очи черные». Я прекрасно понимала, что собираюсь сознательно уничтожить собственную привлекательность. Мне совершенно точно не пойдет цыганский цвет волос, да и выполненная

в домашних условиях химия делает меня похожей на продавщицу из овощного ларька. Зато никто не сможет признать в вульгарной безвкусной тетке светскую красавицу – меня. Почему-то мне было весело и легко.

Через три часа на Савеловском вокзале появилась чернявая женщина неопределенного возраста. Она была одета в бесформенный серый балахон, застиранный китайский пуховик и дутые сапоги – дешевые, но практичные. В ее руках была черно-белая хозяйственная авоська. Женщина ничем не выделялась из вокзальной толпы, она выглядела как типичная жительница глубинки, усталая мать как минимум двоих детей. На лице ее были заглавными буквами выведены все ее нехитрые проблемы – денег мало, муж пьет, молодость на исходе, а до старости еще далеко... Как бы удивился случайный наблюдатель, если бы ему удалось ненароком заглянуть в неприметную авоську этой невзрачной, побитой жизнью дамы, – ведь внутри он с удивлением обнаружил бы блестящее портмоне из лакированной кожи крокодила. Да и содержимое портмоне было под стать дороговизне самого кошелька. Две тысячи долларов, несколько тысяч рублей и изящные золотые часики с плавающими бриллиантами на циферблате.

Но никто не знал о богатстве, тщательно спрятанном в заношенной сумке, поэтому и на ее хозяйку никто внимания не обращал. А она тем временем подошла к кассе, купила первый попавшийся билет на первое попавшееся направление, а потом уселась на лавочку на перроне.

Она понятия не имела о том, куда едет.

Этой женщиной была я.

Глава 3

Чудеса да и только. Что за странный вечер. Мужчина, похожий на Энрике Иглесиаса (та же волнующая смуглость, та же милая, как у барышни со старинного портрета, родинка на щеке), проявив похвальную настойчивость, познакомился с ней, Ольгой Бормотухиной. Угостил ее куриной кесадильей (какое вкусное слово – кесадилья – так и веет от него ленивым южным берегом и остывающим пляжем), не позволил ей заплатить за обед, доставил к подъезду да еще и номер ее телефона записал!

Ольга поднималась по лестнице, весело мурлыкая песенку – ну конечно же! – Энрике Иглесиаса «Bailamos». С испанского переводится как «танцуем». Хо-хо, мы еще потанцуем, улыбалась Ольга. Так потанцуем, что какой-нибудь Владке с ее длинными тощими ногами и не снилось! Кто придумал такую глупость – считать костлявые конечности сексуальными, а плавность линий превратить в порок?!

Поворачивая в замке ключ, Ольга подумала: «А может быть, все-таки примерить белье, которое мама на Новый год подарила? Чем черт не шутит...»

Ключ не поворачивался. Этому неприятному факту могло найтись только два объяснения: либо некстати сломался замок, либо...

Дверь распахнулась, на пороге стояла Влада, хорошенькое подвижное лицо которой было, намазано какой-то густой синей массой.

– Олечка! – даже за толщей косметической маски было видно, что у Влады очаровательные ямочки на щеках. – Олечка, прости, что я вот так, без приглашения!

– Да что уж там, – пришлось ответить Оле.

Откровенно говоря, она не была рада видеть сестру. При Владке не примеришь сиреневые стринги. Не понежишься в пенной ванне, вслушиваясь в блаженную тишину. Не помечтаешь спокойно о предстоящем свидании с «иглесиастым» Эдуардом. У Ольги не было сомнений в том, что новый знакомый обязательно назначит ей свидание. В противном случае зачем бы ему понадобился ее телефон.

Запасные ключи от Олиной квартиры на всякий случай хранились у мамы. Это была инициатива тети Жанны, которая справедливо полагала, что береженного Бог бережет, да и вообще – мало ли что. «Мы воспользуемся ключом только в форс-мажорных обстоятельствах», – успокоила мама Ольгу. И вот заветным ключиком воспользовалась Влада. Судя по ее цветущему виду и оживленному смеху, появление ее в квартире сестры ничего общего с форс-мажором не имело. Просто Владке вздумалось отдохнуть от говорливых мамы и тети Жанны.

– Олечка, прости меня, милая! – закружилась по комнате Влада. Она была одета в домашний невесомый халатик («Ага, и пеньюар привезла, неужели останется ночевать?» – тоскливо подумала Ольга). – Просто у меня такое происходит! Мама ничего не понимает, а моя жизнь рушится!

– Что за бред? – Оля скинула сапоги. Рядом с изящными красными ботиночками Влады ее сапоги выглядели огромными. У Ольги был сорок первый размер ноги.

– Представляешь, я вчера позвонила Гоше Кудрину. Он отмечал Новый год у своих родителей, в Сочи. А вчера должен был прилететь, и я так надеялась его увидеть. А он трубку не взял, идиот. Хотя мобильник работает, следовательно, он уже здесь!

Словосочетание «Гоша Кудрин» пребольно укололо Ольгу в область сердечной мышцы. За новогодние праздники она успела почти забыть о нем. И он, уж точно, отступил на второй план по сравнению с кесадильей из курицы и прилагающимся к ней атрибутом в виде заинтересовавшегося Ольгой брюнета. Но стоило Владке произнести: «Гоша Кудрин», как тоскливо заняла знакомая занозка. А ведь завтра Оля его увидит. И он, насмешливо улыбнувшись,

потреплет ее по плечу и беззлобно скажет: «Привет, мой Борец Сумо!» А потом поведет Владку в бар телецентра Останкино, кофе пить.

– И это все?

– В смысле?

– В смысле это вся трагедия? Гоша Кудрин не взял трубку, и ты сделала вид, что твоя жизнь рушится?

– Какая ты злая, – надула пухлые губки Влада, – а я, между прочим, не знаю, люблю его или ненавижу. Он такой хам иногда бывает. Знаешь, что он мне сказал перед праздниками? Что я стала толстая. Кстати, я там купила курочку-гриль. Мой руки, я ее сейчас в духовку поставлю.

– Лучше чайник поставь. Я не голодна, пообедала в городе. Кесадилью из курицы ела, – Оля все же не удержалась от хвастливого комментария, – это кубинское блюдо.

– Какое расточительство, – поддразнила ее Влада.

И тут настал Олин звездный час. Она откашлялась, перед тем как, словно между прочим, сообщить:

– А я не сама платила. Меня... пригласили.

Прошла, должно быть, целая минута перед тем, как Влада осознала смысл этих слов.

– Кто? – округлила синие глазища сестра.

– Так, мужик один, – небрежно пожала плечами Ольга, мысленно поставив себе пять с плюсом за грамотную подачу информации, – он давно за мной увивается... Да ты так глаза не выпучивай, вредно гримасничать, когда на тебе маска. Морщины будут.

– Я сейчас смою, – Влада бросилась в ванную и через полминуты вернулась обратно. Маску она смыла кое-как, у бровей и под носом остались синие ошметки. – Оля! Рассказывай! Какой еще мужик?! Почему ты раньше ничего нам не говорила?!

– Да как-то повода не было. – Оля налила себе чаю и медленно размешала сахар.

Ей бы, подобно Владе, воспользоваться заменителем сахара в таблетках. Да что уж там...

– Да не молчи ты! Блин, а я-то думала, что мы подружки! Ты же моя сестра, я все про тебя должна знать!

– Хочешь сказать, что я все про тебя знаю? – прищурилась Оля. – Ты же мне не докладываешь о каждом своем оргазме.

– О-па, – хлопнула в ладоши Влада, – так у вас уже и оргазм имел место быть. Супер. Ну ты и скрытная. Налей-ка и мне чайку. По этому поводу я даже шоколадку съем. Вообще-то я принесла ее тебе, мне же надо соблюдать диету.

– А мне не надо? – усмехнулась Оля. – Что-то рано вы на мне поставили крест. Мне двадцать пять лет. И мы еще станцуем!

Влада подозрительно посмотрела на нее. Ольга подумала, что та была хорошенькой даже в ошметках косметической маски, прилипших к лицу. Что же за наказание божие – иметь сестру, которая красива, даже когда у нее насморк, даже когда она просыпается с похмелья!

– Оля, а ты не пьяная?

– Разве что чуть-чуть, – призналась она, – мы пили ром. Крепкий кубинский ром... Ладно, доставай свою шоколадку.

Влада послушно зашелестела оберткой. «Гейша», любимый Олин шоколад, весьма дорогой. Надо же, сестренка не забыла о том, что Ольга предпочитает именно его, позаботилась. Вспыхнувшая было ревность к чужой стройности и несправедливо полученной красоте вдруг уступила место благодарности и даже любви. Оля положила голову на хрупкое Владкино плечико. А все же хорошо, когда у тебя есть сестра. Даже если она такая красивая.

Влада погладила ее по голове – у нее были приятно прохладные пальчики.

– Расскажи, что за мужик-то?

– Его зовут Эдуард, – охотно призналась Оля. – Я не знаю, сколько ему лет, но не больше тридцати двух – тридцати трех, это точно. Он бизнесмен, у него своя маленькая типография, печатает визитки. И еще... он очень красивый, Владкин! Как Гошка, даже лучше.

– Даже лучше? – недоверчиво переспросила сестра.

– В сто раз! – В тот момент Оля была искренне уверена в том, что внешними данными любитель кубинского рома Эдуард и в самом деле во сто крат превосходит оператора Гошу Кудрина.

– Брюнет, блондин? – Влада деловито интересовалась параметрами мужчины, в связи с которым ее стотридцатикилограммовая сестра произнесла слово «оргазм».

– Брюнет. Глаза карие, ресницы длинные. И загорелый, а может быть, от природы смуглый такой.

– Познакомишь?

– Рано еще, – Ольга залпом допила чай. – Может быть, и познакомлю когда-нибудь.

– Хоть фотографию показала бы.

– Нет у меня ни одной его фотографии. И вообще, отстань от меня с расспросами. Если будут какие-нибудь новости, я сама тебе сообщу.

– Обещаешь? – Влада мечтательно зажмурилась, смакуя шоколад.

– Гарантирую!

...На работу сестры отправились вместе. Ради первого рабочего дня решили шикануть и поймали такси. У обеих было приподнятое, праздничное настроение. Влада надела новый, на заказ сшитый костюм-тройку – фасон был строгим, и к костюму даже прилагался галстук. Но материал был почти вечерним – струящийся, поблескивающий в электрическом свете шелк цвета спелого апельсина. Этот костюм шел миниатюрной загорелой Владе, на более крупной особе апельсиновый шелк выглядел бы излишне вызывающе. На Ольге же был старый удобный джемпер – зато она, вопреки обыкновению, накрасила ресницы и слегка мазнула по губам Владкиной оранжевой помадой.

Обе были слегка взвинчены – как ни странно, по одному и тому же поводу. И у поводка было имя – Георгий Кудрин. Волновались сестры по-разному. Влада то и дело открывала пудреницу и принималась с каким-то остервенением поправлять макияж. То ресницы кверху завьет – а они у нее и так как у Мальвины. То и без того блестящие губы покроет жидким блеском.

Оля волновалась тихо. Она смотрела в окно, на заснеженные улицы, и думала – а вдруг чудеса все же случаются? Эдуард и словом не обмолвился о ее лишнем весе, вдруг отныне и всем прочим она будет казаться приятно полной, а не убийственно гиппопотамистой? И Гоша Кудрин, отдохнувший, посвежевший, посмотрит на нее новым взглядом, и взгляд этот будет глубоким и горячим...

– Как ты думаешь, у него баба новая не завелась? – спросила Влада, в очередной раз открывая пудреницу.

– Слово-то какое – «завелась», – усмехнулась Ольга, – и это я слышу от литработника... Откуда мне знать?

– Ну почему, почему он такой ненадежный? – вздохнула Влада. – Ненавижу его, ненавижу. Убью когда-нибудь, честное слово.

– Разве он тебе что-то обещал? Человек просто живет, как ему нравится. И потом, у вас же ничего такого не было... – Оля помолчала, внезапная догадка оглушила ее, как удар свинцового молота. – Или было?

Влада потупилась. Оля почувствовала, что ей не хватает воздуха. Неужели эпатажная сестренка все же соблазнила Кудрина?!. Если нет, то почему она так многозначительно мол-

чит? Впервые в жизни Оле Бормотухиной вдруг нестерпимо захотелось съездить ближнему своему по физиономии. – Владка! Не молчи!

– Смотря что ты имеешь в виду... Мы встречались несколько раз вне работы. Один раз он пригласил меня в ночной клуб...

– А потом?

– Что потом?

– После клуба? Завез в свою холостяцкую берлогу и...

– Никогда бы не подумала, что моя сестра – нимфоманка, – рассмеялась Влада. – Увы. Никуда он меня не завозил. Хотя я была бы совсем не против.

– И не только ты, – вырвалось у Ольги.

– Привет, мой любимый Борец Сумо! – с такими словами устремился к ней мужчина, улыбка которого снилась ей почти каждую ночь на протяжении последнего полугодия.

– Здравствуй, Гоша, – сдержанно ответила она, два часа выбиравшая новую тушь в надежде, что пушистые удлиненные ресницы отвлекут его внимание от мерзкого прозвища. Черта с два! Борец Сумо – как это унижительно! Еще не хватало, чтобы кличка навсегда приклеилась к ней. Какая-то каинова печать.

– А ты поправились, – он ущипнул ее за складочку на талии. Ухитрился ухватить эту самую складочку, несмотря на то что на Ольге был толстый шерстяной джемпер.

– Старалась. Ела в три горла все праздники. За себя, за маму и за Владку. Они обе у нас на диетах, вот мне и пришлось отдуваться.

– Ты прелесть, – Гоша уже не смотрел на нее, он устремился к Владке, которая в своем апельсиновом костюме уже несколько минут принимала эффектные позы в противоположном конце офиса. Она, конечно, и не смотрела в сторону Гоши, но Оля-то поняла, на кого были рассчитаны все ее томные ужимки.

«Под каким бы предлогом вернуть, что у меня появился поклонник? – подумала Ольга. – Хотя это будет смотреться слишком нарочито... Успешные женщины поклонниками не хвастаются».

– Олечка, ты сегодня какая-то... обновленная. – К ней подошла редакторша Алиса, Олина ровесница. Они считались подругами. То есть Алиса как раз и была одной из тех подруг, которые стеснялись появляться в людных местах в Олином обществе.

– Да у меня сегодня свидание, – это сказала само отчаяние голосом Ольги Бормотухиной.

– Свидание?! У тебя?! – Алиса даже не заметила, какую бестактность она сморозила. – Но с кем?

Ольга, как ей самой показалось, изящно присела на краешек стола. Хлипкая дешевая мебель угрожающе всхлипнула, и Оля поспешила встать. Нет, сидеть на столе и мило болтать ногами – это Владочкино амплуа. Она же должна вести себя, как и подобает рубенсовской красавице, чинно и плавно.

– Да так, познакомилась с одним. Эдуард его зовут. Вполне ничего, на Энрике Иглесиаса похож чем-то.

– Да ну, – недоверчиво протянула Алиса. – Где же ты его отхватила? Он тоже в Останкино работает?

– Да нет, – Оля передернула плечами, что должно было подразумевать, что она чересчур разборчива для того, чтобы связаться с телевизионным работником, – он бизнесмен. У него своя типография.

Она решила благоразумно промолчать о том, что «типография» состоит из одного настольного печатного станка. И о том, что Эдик жаловался на катастрофическое отсутствие клиентов. И о том, что он носит дешевую обувь и передвигается на раздолбанной «шестерке» с подмосковными номерами.

– Поздравляю, – после паузы сказала Алиса, – а вот у меня сейчас с мужиками глухо. Спроси, может быть, у твоего бизнесмена есть друзья? Не обязательно похожие на Энрике Иглесиаса. Сойдет и Рикки Мартин... Да что уж там, на безрыбье и Лучиано Паваротти сгодится.

Первый рабочий день не принес Оле никаких хороших новостей, кроме короткого триумфа в разговоре с Алиской. Только уж больно подозрительный был у нее взгляд – вряд ли она поверила, что Олю и правда ожидает романтический вечер.

Зато для Влады день сложился как нельзя лучше.

Во-первых, Гоша Кудрин пригласил ее в пресс-бар выпить зеленого чаю. Правда, за ними увязалась долговязая эффектная Верочка из бухгалтерии, но, по словам Влады, Гоша на вредную дылду даже ни разу не взглянул. Его внимание якобы было целиком сосредоточено на ней, Владе, на ее шикарном апельсиновом костюме с глубоким декольте, на ее блестящих губах (избыток помады) и глазах (избыток чувств). Обо всем этом сестра рассказала Ольге вечером, при этом у нее был вид завоевателя-триумфатора. Оля тоскливо слушала, как она нахваливает Кудрина – его выразительные глаза и его мягкие руки, – оказывается, на протяжении всего чаепития он гладил ее коленку под столом. И присутствие наглой Верочки делало эту тайную ласку вдвойне пикантной.

«Откуда ей знать, может быть, другой рукой Гошка умудрился уважить и Верочку, – подумала Оля, – а что, с этого станется».

Нет, другого Гошу Кудрина знала она, совсем другого. Она восхищалась не тем Гошей, который под столом нежно поглаживает острые коленки влюбленных в него красавиц. А Гошку, который шутит так, что у Оли потом три дня болят мышцы пресса (все его шутки, кроме пресловутого «Борца Сумо», казались ей смешными и меткими).

Но оказалось, что это еще не весь триумф Влады.

В тот день на ее имя в редакцию пришел странный факс. Телеведущую Владу Бормотухину пригласили поучаствовать в национальном конкурсе красавиц «Мисс Телевидение». И эта идея показалась ей очень даже привлекательной. Оля-то знала, что Влада с детства мечтала стать королевой красоты. Она даже одно время ходила на просмотры в какие-то модельные агентства, куда ее неизменно не брали из-за маленького роста. И вот теперь – такой шанс!

– Олька, это будет моя самая большая победа! – верещала Влада.

– Да, но только если ты победишь, – осторожно предостерегла ее Оля.

– Я чувствую, что смогу. И теперь у меня будет лишний стимул сидеть на диете. И еще позволю-ка себе вечернее платье от Саши Грузиновой. Была на ее последнем показе, это нечто! Мне пойдет... Как ты думаешь, может быть, мне в брюнетку покраситься?

– С ума сошла? – возмутилась Оля. – Где это видано, чтобы натуральная блондинка красилась в стандартный цвет?!

Влада тоже была блондинкой, но не такой, как Ольга. Светло-русый вариант, мягкая русская Аленушка. А вот из Оли, уменьшись она вполовину, могла бы получиться настоящая Снежная королева.

– Победительница поедет в Париж на конкурс «Мисс Телевидение Европа», – глаза потенциальной коронованной особы сияли, как огни на елке – еще ей подарят шубку из шиншиллы и путевку в Рим на уик-энд.

– Ты этого достойна, – вздохнула Ольга.

Оля Бормотухина запрещала себе думать о том, что такое красота. Потому что подобные мысли в ее исполнении носили довольно пессимистичный характер и могли привести как минимум к ревности.

Или даже к ненависти – она возненавидит всех красоток мира за то, что им куда легче жить. Да, красивым легче живется – с этим ничего не поделаешь. Есть ли что-нибудь глупее

лозунгов из женских журналов: «Полюби себя такой, какая ты есть!», «Мужчины любят энергичных!». Да ерунда все это – а если не верите, спросите Олю Бормотухину, уж она-то знает наверняка. Мужчины любят стройных. И точка. Ну, может быть, еще пышечек-хохотушек или надменных статных княгинь. Разве Оля не соблюдает все предписания глянцевого обманщика? Разве она не посещает косметолога раз в две недели, разве не лелеет свои волосы, не старается модно одеваться? Разве она недостаточно искрометно шутит, разве ей чужда самоирония?! Нет, нет и еще раз нет.

Так почему же, в таком случае, у нее уже полтора года не было секса?

Эдуард не позвонил.

Оля ждала целую вечность, а точнее – неделю. Она понимала, что это глупо и по-детски – «пасти» телефон, не отходя от него ни на шаг. Тем более что у Эдика был и номер ее мобильного. И все равно она упорно его оправдывала: а может быть, он потерял бумажку с номером? Может быть, у него украли портмоне, а там эта бумажка и лежала? И вот теперь он мечется по городу, места себе не находит, думает, как бы еще раз увидеть красавицу с золотыми волосами, безвозвратно поглощенную бездонной воронкой Москвы?.. Какой бред. Он ведь ее до самого подъезда проводил. Значит, найти ее ему не составило бы особого труда. К тому же ему известно, что она работает в передаче «Культурная контрреволюция». А в конце программы, в титрах, указан телефон редакции.

Нет, оправдывать непозвонивших мужчин – порочная практика. Рукописи не горят, а телефоны понравившихся девушек не теряются. Это аксиома.

И все же... А вдруг с ним случилась беда? Авария? Дороги-то сейчас обледеневшие, а водит он не очень аккуратно. Вдруг он потерял память? И лежит в какой-нибудь окраинной больнице, забинтованный с ног до головы, на мумию из Эрмитажа похожий. А помочь ему некому.

Хуже всего было то, что Влада растрепала маме и тете Жанне о том, что у Ольги появился кавалер. И теперь вся троица донимала ее расспросами. Нет бы Оле сказать им все, как есть, – да, мужчина был, и она ему, кажется, понравилась. Он пригласил ее на обед и проводил до подъезда. Это было неделю назад, но, видимо, за эту неделю что-то в его жизни изменилось. Во всяком случае, его интерес к Ольге, видимо, растаял, как колечко сигаретного дыма на сквозняке.

Но почему-то ей было стыдно признаться в том, что она не смогла удержать возле себя своего единственного поклонника. Она представила себе, как тетя Жанна сочувственно улыбнется, как мама горько вздохнет, а Владка потреплет ее по плечу, скажет: «Не переживай, сестренка, когда-нибудь и ты обязательно встретишь подходящего человека» – и убежит на свидание. Нет, только не это. Уж лучше напустить туману и провоцировать их интерес, чем терпеть дурацкое сочувствие.

Однажды тетя Жанна отозвала ее в сторонку.

– Солнышко, я понимаю, что ты взрослая женщина. Но что-то мне подсказывает, что сексуального опыта у тебя немного, – деликатно понизила голос она.

– «Что-то мне подсказывает, что у тебя тоже, – усмехнувшись, подумала Оля, – несмотря на то, что ты ведешь эту идиотскую колонку о сексе».

– Вот я и хотела спросить... Вы с этим твоим Эдуардом... предохраняетесь?

Оле захотелось завизжать от нахлынувшего раздражения. Румяная тетя Жанна в неизменной бандане совершенно не располагала к интимным откровениям. Но вместо этого она лишь вежливо улыбнулась и кивнула.

– Мы с твоей мамой как раз сейчас работаем над проблемой контрацепции, – с видом светила гинекологии сказала тетя Жанна, – пишем об этом большой материал. Так вот, согласно научным исследованиям, самый действенный метод контрацепции...

– Воздержание! – весело закончила Ольга.

– Я не шучу. Я имею в виду вот это, – тетя Жанна потупилась и сунула в Олину ладошку плоскую коробочку.

– Что это? – удивилась Оля. – Презерватив? Думаешь, я сама постесняюсь купить себе презервативы? Мне двадцать пять лет, тетя Жанна!

– Но Это не совсем обычный презерватив. Мы считаем, что презерватив – это скучно. Большинство мужчин крайне отрицательно относятся...

Тетя Жанна, прекратите зачитывать наизусть собственную статью, – перебила Ольга. – Я прекрасно знаю, что большинство мужчин думают по этому поводу. Они образно называют это плаванием в носках. Знаете, я сама в состоянии решить проблему такого рода.

– Ну вот, – обиделась тетя Жанна, – вчера меня «послала» Влада, когда я сделала ей замечание, что джинсы – это несексуально. Мужчины предпочитают женщин в юбках, а вы, молодые дурочки, этого не понимаете. Они любят Кармен, Эсмеральду...

Все понятно, подумала Оля. Тетя Жанна считает идеалом яркую цыганскую красоту. Теперь ясно, кому она подражает. Ясно, почему на ней эта ужасная красная юбка, которая делает ее похожей на бабу на чайник. В ушах у тетки – крупные золотые кольца, которые были бы впору миниатюрной смугляночке. На ее ногтях нарисованы золотые звезды. Несмотря на гренадерский рост (даже Ольга считала себя слишком крупной для модных шпилек, а тетя Жанна была на полголовы ее выше), она взгромоздилась на каблуки – огромные и квадратные, как у танцовщицы стриптиза. Кармен, Эсмеральда... Да ей только попугая на плече да золотого зуба не хватает!

Бедная тетя Жанна...

– А теперь еще и ты не хочешь послушать мудрый совет!

А она постарела, вдруг заметила Оля. Пудра цвета загара уже не в состоянии скрыть меридианы и параллели морщин, пересекающих ее широкое, как глобус, лицо. Когда-то тетя Жанна была худенькой и смешливой. Оля видела фотографии, которые тетка держала в старой коробке из-под обуви. Пятнадцать лет назад муж субтильной хохотушки отчалил в неизвестном направлении и даже ручкой на прощание не помахал. Тетя Жанна перенервничала и набросилась на холодильник – больше нападать было не на кого. За пятнадцать лет она поправилась на тридцать пять килограммов. Она делала вид, что ей все нипочем. Ей нравилось амплуа разбитной разведенки, аморальной совратительницы. Оля подозревала, что большинство теткиных побед – вымышленные. Иначе почему она, склонная к хвастовству, ни разу не продемонстрировала семье нового мужчину? И вечера она главным образом проводила дома, перед телевизором или за пачкой читательских писем. И замуж больше так и не вышла.

«А ведь мы с ней из одного лагеря, – подумала Оля. – Обе пытаемся казаться круче, чем есть на самом деле. Обе ходим на свидания с призраками. Отчаянно доказываем, что мы еще ого-го!»

Бедная, бедная тетя Жанна...

– Хорошо, извините, тетя. Что за совет? Может быть, и правда пригодится?

– Слушай, – обрадовалась она, – милое и смешное решение – презерватив с насадками! Знаешь, есть презервативы с ребрышками, с усиками, с ароматом банана. Но это прошлый век.

У Оли запыхали уши. Она вдруг вспомнила, как Гоша Кудрин притащил в редакцию презервативы с экзотическими ароматами – кто-то привез ему сувенир из Таиланда. Манго, кокос, папайя. Оля никогда в жизни папайю не видела, зато с помощью Гоши узнала, как она пахнет, – выяснилось, что диковинный фрукт имеет аромат пригоревшей резины. Хотя скорее всего, производители кондомов просто не смогли качественно воспроизвести фруктовый запах. Зачастую и от не слишком дорогих духов якобы с ароматом ванили пахнет не ванилью вовсе, а освежителем воздуха из общественного туалета. Так вот, коллеги с энтузиазмом поедающих шоколадки детей разрывали обертки презервативов. Нанюхавшись фруктово-резиновых

ароматов, они принялись упражняться в остроумии – а хорошо бы, мол, сделать презерватив с запахом марихуаны. Или со вкусом пиццы – красота! Представьте себе этакий пицца-брод. И оральный секс превратится в гастрономический рай – лишь бы в самый ответственный момент не забыться и не нанести не ожидающему подвоха «пицце-броду» серьезную травму.

– Презервативами с насадками давно пользуется Запад, – продолжала тем временем разглагольствовать тетя Жанна, которой было лестно, что к ней прислушивается «молодежь», – а теперь эта мода дошла и до нас. Получается и гигиенично, и с юмором, и ощущения острее. Уж поверь старой кошелке. Посмотри!

Оля послушно открыла коробочку. На ее ладошку выпало «изделие номер два», имеющее подозрительно полосатый вид. Полоска белая, полоска черная, как у зебры... Но самое главное – это похабное изобретение явно психически нездорового человека венчала... резиновая лошадиная голова! Игрушечная зебра улыбалась во весь зубастый рот, да еще и пошло-вато подмигивала!

– Какая гадость! – воскликнула Оля. – Где вы это взяли?

– Ну зачем ты так, – обиделась за полосатое чудо тетя Жанна, – в секс-шопе купила. Там еще герои из мультиков были. Винни-Пух, Микки-Маус, ежик в тумане...

– Скорее уж ежик в пещере, – пробормотала Оля. – Бедный ежик... Но, я надеюсь, вы шутите.

– Почему? Я и правда считаю, что надо избавляться от комплексов и разнообразить собственную интимную жизнь!

Пока Оля делала вид, что круговорот интимной жизни до опьянения закружил ее (на самом же деле вечера она проводила преимущественно перед телевизором в компании коробочки конфет и за неделю бездарного ожидания телефонного звонка поправилась, заметьте, еще на три с половиной кило), Влада всю готовилась к конкурсу красоты. Ольгина сестра и раньше излишне трепетно относилась к своей внешности. Теперь же она превратилась в настоящего маньяка. Влада завела специальный блокнотик, на обложке которого готическим шрифтом было ею же выведено: «Съеденное». В блокнотик записывались подробные сведения о каждом поглощенном красавицей продукте – количество калорий, а также процентное содержание жиров, белков и углеводов. Вечером Влада садилась за стол и, хмуро сдвинув брови к переносице, производила инспекцию. Ольга сначала поверить не могла, что она это всерьез.

– Так, на завтрак два апельсина, овсяная каша и глазированный сырок. Очень плохо, можно было обойтись и без сырка. К тому же я пила сладкий кофе... – бормотала Влада. – А на обед позволила себе кусочек курицы-гриль! Кошмар! Это конец!

В этом месте сестра, как правило, вскакивала из-за стола и принималась метаться по комнате, заламывая руки. Она не представляла даже, насколько комично при этом выглядит. Однажды Оля решила ей об этом сказать.

– Владка, мне бы твои проблемы. Посмотри на себя, ты же выглядишь, как ошипанный цыпленок.

– Много ты понимаешь! Я похудела на полтора килограмма, – огрызалась Влада.

– Поверь мне, тебе совершенно ни к чему худеть. Раньше ты выглядела лучше.

– Я не самая худенькая среди конкурсанток.

– Убийственный аргумент! Думаю, жюри будет выбирать не самую худенькую, а самую красивую, – изо всех сил взывала к ее здравому смыслу Ольга.

– Отстань! – бесилась Влада. – На себя лучше смотри! Была бы умной, последовала бы моему примеру и поменьше жрала бы! А то скоро ни в одну дверь не влезешь.

Оля делала вид, что она не обижается. А на что тут обижаться, когда сестра права... Вот только не стоит, наверное, указывать Ольге на ее недостатки в столь грубой форме. Она ведь и так от грубиянов натерпелась – о ее запредельном весе сплетничали коллеги, самый красивый

мужчина телецентра Останкино как ни в чем не бывало называет ее Борцом Сумо, а позавчера в гастрономе, когда Оля покупала ветчину, продавщица невежливо фыркнула – мол, такой туше мясoproductы ни к чему...

Но Влада ничего не замечала с этим своим дурацким конкурсом, она так мечтала стать королевой красоты, что возвела в культ остроту своих коленей. Все ее гонорары теперь тратились на косметологов, солярии и модные журналы. Она даже оплатила участие в каком-то сомнительном психологическом семинаре под названием «Я – супер!». Ольга не знала, чему там учат сестру, но с тех пор, как Влада начала посещать занятия, с ее лица не сходила глуповатая улыбка девушки, рекламирующей жвачку для отбеливания зубов. Каждое утро Влада повторяла волшебную мантру – я супер, я супер. И в конце концов семья махнула рукой на потенциальную коронованную особу – если девчонке хочется славы, поклонников да короны с фальшивыми алмазами, так пускай себе старается, а вдруг и правда выйдет чего?

По сравнению с энергичной сестрой, неудержимо стремящейся к получению статуса первой красавицы, Ольга казалась себе старухой – а ведь Влада была на два года старше. У сестер принято подражать друг другу – вот и Ольга не удержалась, тоже отправилась в салон красоты на неведомую ей процедуру талассотерапии. Сто долларов отдала за то, чтобы ее пышные бедра намазали дурно пахнущей и вязкой горячей массой. Сто зря потраченных долларов – а эффекта ноль. Оля вошла в салон пышнотелой нимфой и вышла через час ничуть не обновленной. Только кожа на ногах горела.

Ну и кому, спрашивается, нужны ее бедра? Толстые ли, худые, загорелые или бледные – все равно, ведь в любви Ольге Бормотухиной отчаянно не везет. Все равно Гошка Кудрин, от взгляда которого просто дух захватывает, обращает на нее не больше внимания, чем на письменный стол. Все равно он вертится вокруг отощавшей Владки, как спутник вокруг малой планеты. Владочка то, Владочка се, королева красоты ты наша некоронованная.

Ядовитая зависть пышным цветком распускалась в Олином сердце. Обычно она вырывала с корнем опасный росток, но сейчас ничего с собой поделывать не могла. В сестре ее раздражало все – и походка (ну как можно так вертеть задом, как не стыдно столь нагло навязывать миру собственную задницу?!), и голос (манерный и писклявый – может быть, сестренка решила подражать Ренате Литвиновой?), и манера хлопать ресницами в присутствии мужчин.

Талассотерапия стала последней каплей.

Ольга крепилась весь день, но под вечер не выдержала – разревелась. Прямо в офисном туалете, заперевшись в одной из кабинок. Она самозабвенно размазывала слезы по лицу и совершенно не думала о том, что макияж «поплыл» и что ей рано или поздно придется выйти из туалета и тогда все увидят, какая некрасивая она, когда плачет. Нет, никто не будет тихо злорадствовать. Все ей посочувствуют – а это так противно, невыносимо!

– Ольгуня? – Нахальный кулачок решительно забарабанил в дверь. – Ольгуня, ты в этой кабинке?

Ну конечно, Владка. Явилась. Оля промолчала, надеясь, что сестра потопчется возле кабинки да и убежит себе по своим «королевским» делам. Но она недооценила ее целеустремленности. Влада толкнула хлипкую дверь плечом, ее, казалось, не заботило то, что в случае чего ей придется платить за испорченное казенное имущество. И Оля не выдержала:

– Дверь ломаешь.

– Так ты все-таки там, – возликовала Влада, – а чего молчишь?

– Неужели так трудно хоть один раз оставить человека в покое?

– Оставишь тут. Ко мне Алиска прибежала и сказала, что ты в туалете заперлась и реवेशь.

– Откуда она-то знает? – удивилась Ольга. Все-таки странная это вещь – сплетня.

– Видела, как ты на всех парах неслась в туалет. Вариантов может быть два. Либо у тебя понос, либо ты рыдать бежала.

– Неужели. – Кусочком туалетной бумаги Оля попыталась удалить с лица чернильные потеки размазанной туши. Бесплезно. Водостойкая, широко разрекламированная тушь элементарно смывалась слезами с ресниц, зато намертво оседала на щеках.

– Естественно, – усмехнулась Влада, – все наши здесь плачут.

– Уж не ты ли? – хмыкнула Ольга.

– И я в том числе, – вздохнула сестра. – А ты что, считаешь меня бесчувственным роботом?.. Эй, ты надолго там застряла? Выходи, будем производить ремонтные работы.

– Что?

– Рóжу тебе реставрировать, вот что. Я специально с собой косметичку прихватила. Дура ты, Ольга, не знаешь, что ли, первого правила девушки, которая решила всплакнуть в общественном месте?

– Издеваешься?

– Так знай же, – невозмутимо продолжила Влада, – что первое правило – захватить с собой салфетки для снятия макияжа, капли для глаз и пудреницу. Косметичку взяла – и реви себе на здоровье.

Влада забарабанила кулаками в дверь.

– Учти, если ты не выйдешь, я дверь снесу!

– Тебе-то что до моих слез?

– Во-первых, твои беспричинные рыдания и на меня отбрасывают тень. Все подумают, что раз мы из одной семьи, то обе спятившие, а не только ты. А во-вторых... ты же моя сестра. Я тебя люблю.

И Оле пришлось выйти. Она не смогла найти контраргумента на эту простую фразу: «Я тебя люблю». Она еще раз промокнула салфеткой глаза, открыла дверь и тут же попала во Владины пахнущие модными духами «Хьюго Дип Ред» объятия.

– Ну ты даешь, сестренка! – Влада взъерошила светлый пух Ольгиных волос. – Хотя ты права, иногда надо даже поплакать. Это полезно.

– Не знала, что ты тоже плачешь здесь, – только и смогла выговорить Ольга. Ей вдруг стало стыдно – за ревность и зависть, которую она испытывала к сестре.

– В последнее время частенько, – вздохнула Влада. – Ты же не замечаешь ничего, а ведь Гошка, кажется, встречается с Верой из бухгалтерии.

– С кем? – удивилась Оля.

– С Верочкой, – Влада брезгливо скривилась, будто бы слово. «Верочка» было нецензурным.

– Ты уверена? Я почему-то думала, что ты и он...

– Все так думали! – махнула рукой Влада. – А на самом деле мне он неделю не звонил, а с ней позавчера ходил на премьеру «Матрицы».

– Но это еще ничего не значит.

– И все равно, мне тоскливо... Хотя что мы об этом подлеще, давай лучше о тебе, – спохватилась Влада. – Так вот, держи пудреницу и тени. Сейчас как новенькая будешь.

– Спасибо. – Оля погладила пуховкой лицо. Красные пятна стали менее заметны, но не исчезли совсем. В тот момент, перед зеркалом, было еще более заметно вопиющее несходство сестер. Оля старалась не смотреть на отражение Злады. Видеть красивое лицо сестры рядом с собственной опухшей физиономией – пытка.

– И что у тебя случилось? Не хочешь рассказать?

– Да так, ничего особенного... Просто накопилось.

– Может быть, тебе отпуск взять?

– Да, и что делать? Лучше уж на работе. Хоть отвлечься можно.

– Отвлечься от чего? – удивилась Влада. – Я бы на твоём месте куда-нибудь съездила. Прошвырнулась в Европу, например.

– Я поговорю с Эдуардом. – Оле пришло в голову использовать имя несуществующего любовника как щит.

– С кем?

– С Эдуардом. Моим новым мужчиной. Не придуривайся, я же рассказывала.

Влада улыбнулась и взяла Олю за руку.

– Ольгунь, мы же сестры. Мне ты можешь доверять.

– В смысле?

– Я знаю, что никакого нового мужчины у тебя нет. Ты придумала этого Эдуарда... Но ты не волнуйся, я никому не расскажу. Просто это так... так по-детски.

– Ты хочешь сказать – по-идиотски? – повысила голос Оля. – Ты не права. Эдуард действительно существует.

Влада покачала головой. Оля с громким щелчком захлопнула пудреницу – чуть замочек не сломала. И откуда эта пронира все знает? Почему она так проницательна? Это же высшая несправедливость. Если Влада красавица, то роль умницы должна по праву принадлежать Ольге. А то что же получается – уродливая младшая сестра придумала себе красивую сказку, настолько убедительную, что сама умудрилась в нее поверить. И тут – бац! – умная и красивая старшая сестричка разоблачает завравшуюся идиотку.

– Не расстраивайся, – Влада притянула Ольгу к себе и, как маленькую, погладила ее по голове, – никто, кроме меня, не знает.

– Но как ты... откуда ты-то узнала? Или это была проверка на вшивость, которую я с позором провалила?

– Ольчик, но ты же каждый вечер дома. И потом, что я тебя не знаю, что ли? Если бы у тебя действительно появился мужчина, ты бы непременно мне показала хотя бы его фотографию. А скорее всего, познакомила бы!

– Нет, – покачала головой Ольга, – с тобой не познакомила бы ни за что.

У Влады вытянулось лицо:

– Почему?

– Я бы побоялась, – честно призналась Оля, – побоялась бы показывать ему красивую и успешную старшую сестру.

Влада помолчала несколько секунд, а потом искоса взглянула на себя в зеркало.

– Ты и правда считаешь меня красивой?

– Все считают тебя красивой, – вздохнула Оля, – потому что ты красивая и есть.

– Как ты думаешь, есть ли у меня шанс все же выиграть этот конкурс?

Влада смотрела на нее, как преступник на судью. Как будто бы Оля была председателем жюри, и именно от нее зависело, достанется ли Владе корона первой телевизионной красавицы.

– Думаю, да, – сказала Оля. – Твои шансы велики.

– Вот спасибо! – просияла сестра. – Ладно, ты не грусти. Давай обратно косметичку, я побежала. У меня еще сегодня репетиция конкурса и урок дефиле.

И она убежала, такая ветрено прекрасная в своем эгоизме, стройная, смешливая, яркая. А Оля осталась с зеркалом наедине. Уродливые красные пятна уступили место нездоровой бледности. Наверное, ей и правда стоит отдохнуть. Успокоиться, как-нибудь договориться с едкой завистью, притаившейся где-то внутри. Зачем она Ольге нужна, эта зависть? Все равно мир не переделаешь, сколько ни старайся. Можно горы свернуть, можно море высушить, но главные величины навсегда останутся неизменными. Влада будет красивой и стройной, а она, Оля, карикатурно толстой.

Ну и пожалуйста.

Она пришла домой слегка повеселевшая. Влада права – иногда выплакаться просто необходимо, и никуда от этого не денешься. И еще – всем известно, что лучший антидепрессант

для расстроенной девушки – это торт со взбитыми сливками. Именно такой Ольга и приобрела в супермаркете. Дорогой, зараза.

Зато есть чем вечер занять. Кассета из видеопроката (бессмысленная слюняво-надрывная комедия, но ведь все неустроенные девицы обожают романтические фильмы!), чаек с тортиком, уютный плед – что ж, в таком одиночестве что-то есть.

Совсем некстати зазвонил телефон. Оля нехотя сунула ноги в тапочки и доплелась до аппарата. Кто же решился нарушить ее «тортотерапию»?

– Ольга?

– Да, это я. Кто это? – спросила она, но сердце уже затрепыхалось под ребрами, подсказывая кто.

– Это Эдуард. Может быть, помнишь меня?

Интуиция подсказала ей, что не надо бурно радоваться – неправильно поймут.

– Ах да. Кесадилья из курицы. Помню, – сдержанно ответила она. – Понравились ли вашей маме духи?

– Она в восторге! У тебя великолепный вкус. Оль, ты извини, что я пропал. Я был в Питере, на свадьбе у друга. Конечно, надо было позвонить, но я так закрутился.

– Да ладно. Я и не ждала, что позвонишь. Но слышать тебя все равно приятно.

– А может быть, встретимся?

– Когда? – испугалась Оля, машинально приглаживая волосы.

– Ну завтра, например. Ты что делаешь после работы?

– В общем... в общем, ничего. Я, наверное, вообще на работу не пойду. Прогуляю.

– Вот и умница, – повеселел он. – Тогда я приглашаю тебя на рок-концерт.

– Куда? – недоверчиво хохотнула она. – Рок-концерт? Это такое мероприятие, на котором накачанные пивом подростки бьют друг друга по выступающим частям тела?

– Нет, Оля. Это такое мероприятие, на которое у одного солидного человека есть билеты в ложу для особо важных персон. Ты мне не доверяешь?

«С чего я должна тебе доверять?» – мелькнуло у нее в голове.

– Что ж, ложа для VIP-персон – это совсем другое дело. – А что туда надо надевать?

– Кожаные штаны, бандану и клипсу в нос, – рассмеялся он. – Какая ты смешная! Знаешь, наверное, это странно прозвучит... Но я по тебе немножко скучал.

Оля потрясенно молчала.

– Ладно, не буду тебя отвлекать. Завтра заеду за тобой в восемь, идет?

– Хорошо.

Ей моментально расхотелось набивать живот сладким тестом и жирным кремом. Оля убрала недоеденный торт в холодильник, пытаясь согнать дурацкую улыбку со своего лица. То ли она слишком впечатлительная, то ли чудо какое-то произошло... Но почему-то Оля знала точно – с этого момента все в ее жизни будет по-другому.

Глава 4

Прокуранный вагон холодной электрички уносил меня все дальше от Москвы. Я понятия не имела, куда еду, – кажется, куда-то на север. Нигде меня никто не ждал. Семье я оставила записочку весьма туманного содержания – мол, поехала отдохнуть, развлечься, развеяться. Я знала, что мое легкомыслие не покажется подозрительным. В прошлом году я на две недели укатила в Париж, никому ничего не сказав. А этим летом почти месяц провела в загородном санатории. Амплуа бесшабашной особы на этот раз играло со мной в одной команде. Раньше времени волноваться никто не будет. А потом, когда мною все-таки заинтересуется милиция (при этой мысли я зябко поежилась и плотнее закуталась в уродливый пуховик), мама поймет, что я просто прячусь.

Унылые незнакомые станции, пыльные деревья, торопливые неулыбчивые люди – вот что ждало меня по ту сторону окна. Я могла выйти из поезда в любой момент, но зачем-то медлила, как будто бы неприветливая электричка могла привезти меня в сказочную страну, где мне будут беспричинно улыбаться встречные прохожие.

Но чудес не бывает. Я все сидела и сидела у окна, а за окном одинаковые перроны торопились сменить друг друга, чтобы напомнить мне, что мое прошлое – богемная московская жизнь, поклонники, вечеринки и, самое главное, мужчина с ножом в спине – осталось уже далеко позади. И в конце концов я решила – будь что будет, но мне пора сменить декорации.

За окном мелькнула церквушка, какая-то чересчур отчаянно нарядная для этого хмурого вечера. Она была похожа на невесту, которой вздумалось прокатиться в метро. Я подумала, что церковь – это хороший знак. И заторопилась к выходу.

В церкви было тепло и пахло расплавленным воском.

– Косынку повяжи, корова бестолковая! – прокричала мне вслед бойкая старушонка в телогрейке и стоптанных, некогда лакированных туфлях.

Косынки, равно как и другой одежды, у меня не было, и я повязала на голову тонкий шерстяной шарф. В свою новую жизнь я взяла только пару сменного белья да упаковку колгот – все остальное мне предстояло приобрести на месте.

Я не могла вспомнить, когда была в церкви в последний раз. Молиться я не умела. Протянула сторублевую бумажку продавщице свечного ларька и услышала неприветливое – сдачи нет! Я улыбнулась – на нет и суда нет, сдачи не надо. Женщина, продающая свечи, подобрела и даже раздвинула вялые губы в улыбке. Сколько вам свечей, спрашивает. Одну, говорю ей. Она удивилась, но промолчала. Показала, куда свечку ставить.

Я несколько минут посмотрела на дрожащее оранжевое пламя. Пробормотала: «Да успокоится душа его». Вздрогнула, вспомнив кровавое пятно на деревянном полу.

– Вы не имеете права меня не пустить! – Хриплый крик отвлек мое внимание от бездумного созерцания торжественно-спокойных иконописных лиц. Я обернулась – на церковном пороге стояла невысокая женщина лет тридцати семи – сорока в нарядном приталенном пальто и застиранном платке. Дорогу ей преградила та самая воинственная бабка, которая обозвала меня коровой.

– Еще как имею! Топай отсюда. Топай, кому говорят.

– Вы за это ответите.

– Это ты мне ответь, кто тебе морду-то разукрасил? Церковь – место не для алкашей.

– Да пошла ты, – спокойно сказала неудавшаяся прихожанка.

Я отвернулась. Куда я попала? Грубость бедности – к этому надо относиться с философским спокойствием. Но одно дело наблюдать подобную сценку из окна хорошо протопленного авто, а совсем другое – стать ее непосредственным участником. Неужели эта вредная бабка и

эта женщина, лицо которой посинело от свежих гематом, отныне и есть мое окружение? Значит ли это, что через какое-то время и я стану одной из них? И некто, увидев меня из окна своего автомобиля, скользнет равнодушным взглядом по моей немодной засаленной куртке и вздохнет – несчастная женщина, зависшая в бесконечности между растраченной на мелочи молодостью и пугающей нищей старостью.

...Я понятия не имела, куда мне пойти. Бело-золотая церковь, дрожащая свеча в память о том, кого я убила – все это выглядело по-киношному красиво и даже пафосно. Но я так и не решила самый главный вопрос: что дальше-то делать? У меня хватило смелости изменить внешность и сбежать из города, где найти меня проще простого. И вот я здесь, в глуши.

– Закурить не найдется?

– Не курю, – машинально ответила я и только потом сообразила, что со мной говорит та самая пьянчужка, которую не пустили в церковь. Выглядела она и правда не лучшим образом. Правый глаз – голубой и ясный, а вместо левого – мутноватая щелочка, окруженная филигранным черным синяком. Щека расцарапана, в уголках губ – запекшаяся кровь.

– Ну и правильно делаешь. Я тоже бросить пытаюсь, да все никак. Наверное, потому что мне жить скучно.

– По тебе не скажешь, – криво усмехнулась я.

– Артур Шопенгауэр говорил, что сигара может послужить хорошим суррогатом мысли, – прищурилась пьянчужка.

Я чуть не села прямо в скользкую грязь. С ума сойти можно от такой начитанности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.